

1. Утро

*Мы сквозь нору, прорытую кротом,
Легко войдём в наш старый двор и дом...*

Паола Урушадзе

- Бутилки покупаем, бути-илки...
Отворяется окно:
— Соломон! У тебя совесть есть? Выходной день, люди спят...
— Бутилки покупаем, бути-илки...
— Соломон, какой сумасшедший в эту рань бутылки будет продавать?
— Кому деньги нужны, тот и будет. Бутилки покупаем...
— Тфу! ешак!—Окно затворяется.

Солнечный лучик нашёл прощелину в занавесах, пробрался, пощекотал мой прижмуренный глаз. Михо переливисто всхрапнул под кроватью: с вечера нашкодил, схлопотал выговор, удалился в «берлогу» и разоспался с горя.

— Мацун, мацун, мацони...—это из пригорода потянулись разносчицы протокваши.

Вновь слышен скрип оконных петель:

- Марта, мне две банки. А творог есть?
— Конечно, есть, и сыр поспел.
— Марта, а ветеринар корову смотрел? Говорят—бруцеллёза много...
— Какой ещё бруцеллёз? Моя Пепела—как невеста на выданье!

Подо мною завозился Михо, выбрался, уселся на прикроватном коврикe, зевнул, почесал за ухом. Хлопаю ладонью по одеялу:

— Иди сюда, соня.

Михо нападает, осторожно хватает дюймовыми клыками, после устраивается поудобнее—выливать хозяйину щёки.

Появляется матушка:

— Это что ещё за безобразие!

Михо скатывается с кровати, становится на задние лапы, передними прикрывает гляделки, кланяется—просит прощения.

У парадной—торг:

- Марта, дай сыр попробовать... соли много...
— Марта, у меня все банки заняты, пустые завтра верну...

С обязательным «утренним» яблоком выхожу на балкон: Вечный Гарик, выбрасывая вбок негнущуюся ногу, ковыляет к пивному ларьку. Добрался. Отомкнул замок. Вошёл, выпустил наружу ставень-прилавок, повязал впалый живот несвежием передником, выставил на оцинковку толстобокие гранёные кружки, включил насос—с заветшалым агрегатом периодически случается судорога, тогда сотрясается вся палатка, и Гарик цедит сквозь прокуренные зубы:

— Кунем!¹

Из дворницкой выходит Амина—пестроцветный плат, позванивает медью тяжёлая нанизь, кольшется плюшевая юбка до пят²,—бранясь вполголоса, ворочает чудовищного размера инвентарную лейку, поливает замусоренный тротуар. С соседнего балкона подаёт голос Строгая дама:
— Амина. Амина! Не притворяйся тугоухой! В парадной третий день полы не мыты. В чём дело?
— Деньги собирала? Когда деньги собирала, тогда убирала...

— Это безобразие! Деньги требуешь каждую неделю, а на лестнице скверно пахнет.

— Что на лестница?

— Воняет на лестнице!

— У кого собака на лестница писает, тому и скажи...

К дому приближается молочница Валя, опускает на асфальт тяжёлый бидон, звонит в колокольчик. Из подворотни на звон поспешает отчаянного вида кошачья троица, следом подходит Николай Христофорович:

— Голубушка, мне без пенки, Кузя пенку не любит.—Христофорович, знаю, который год коту вашей молоку отпущаю. И чего это он пеночкой-то брезгует?—отцепляет от ручки бидона жестяную воронку.—Посуду пониже опустите,—наливает

1. Кунем—грубое армянское ругательство.

2. Описан традиционный курдский женский наряд: в Тбилиси 50–60-х годов дворницкое дело монополизировали представительницы курдской диаспоры (отсюда ломаный русский Амины).

из черпака.—А пенку вот кто у меня любит,— достаёт из кармана халата алюминиевую миску, стряхивает в неё пенку, добавляет молока и представляет угощение дворовым бродягам.

От перекрёстка вразвалку шагает пузатый Серго—под его началом крошечная, об одно кресло, цирюльня, что втиснулась между строгой сберкассой и шалопаистой портняжной мастерской аккуратно напротив наших окон. Сквозь витрину парикмахерской видно: Серго скидывает толстовку, надевает рабочий халат, подворачивает рукава, включает настенный репродуктор. «Джамайка!»—приветствует его Робертино.

Вновь отворяется окно Сердитого гражданина:—Серго. Серго! Серго-о!!!

Серго выглядывает, весь внимание.
—Серго, у тебя там на стене календарь висит, я видел...

—Ну и что?
—Посмотри, какой сегодня день... правильно—воскресенье, выходной. А теперь посмотри на часы, и если ты сейчас же не выключишь эту штуку, я не знаю, что я сделаю...

Робертино замолкает. Матушка зовёт завтракать. Михо, роняя слюни, стонет под кухонным столом—предвкушает горбушку с мёдом.

«Сердце бьётся в груди...»—я срываюсь с табурета:

—Мама, мама, Дядя-тётя пришла, дай двадцать копеек!

Дядя-тётя—маляр с ближней стройки, по выходным подрабатывает, распевая по дворам ранящие душу шлягеры:

Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный.
Слышу крик журавлей, улетающих вдаль.
Сердце бьётся в груди, и так хочется плакать.
Перестаньте кричать надо мной, журавли.

Из окон бросают мелочь. Раскланявшись, Дядя-тётя собирает деньги. Подходит Серго с флаконом одеколона и рюмкой, наливает. Дядя-тётя выпивает, благодарит, чуть пошатываясь, продвигается к следующему дому.

Коты допивают молоко. Валя собирает утварь, подхватывает бидон, идёт к перекрёстку. Скучающие на углу «биржевики» галантно раскланиваются.

—Земля для цветов, продаю цветочную землю.

Разносчик—поросший диким волосом, похожий на лешего старичок. К лесовику с оглушительным треском подъезжает милицейская мотоциклетка, в седле наш участковый:

—Садись!

—Шакро, не надоело тебе меня арестовывать?

—Садись, в отделении потолкуем.

—Шакро, будь человеком, дай пару рублей заработать, после сам приду...

—Кому говорят—садись!

Мешок с луговой землицей летит в люльку, следом лезет правонарушитель. Биржевики затевают разбор:

—Что, сержант, самого слабого нашёл? Делом займись, делом!

—Поговорите мне, защитнички, как бы я на вас дело не завёл, за тунеядство...

—На свою жену заведи, многостаночницу,—весь квартал обслуживает...

Матушка выдаёт мне рубль:

—Пойди подстригись, на чёрта похож.

Удвери парикмахерской табурет, на нём нарды: двое сражаются, третий «болеет».

—Шеш-беш,—первый нардист переставляет «камни».

—Яган,—второй, раздумывая, тянет руку к доске.

БОЛЕЛЬЩИК. Убивай! Говорю, убивай! Не бери «двери»!.. Ай-яй-яй, что ты делаешь, осёл?

—Цицерон, побереги нервы, паралич разобьёт.

Серго заправляет мне за ворот простынку, берёт твёрдыми пальцами за макушку:

—Бокс, полубокс?

—Не, дядя Серго: сзади линию, а спереди ото лба, вот так...

—Ладно, не верти головой.

Противно щёлкая, холодная машинка прижимается к моему затылку.

—Уй, дядя Серго, больно!

—Не верти башкой, не будет больно!

Появляется Любознательный гражданин, проходит в парикмахерскую, забирает стул, стопку газет с тумбочки, протискивается мимо сопящего за моей спиной брадобрея, усаживается рядышком с игроками и разворачивает «Правду»:

—Та-ак-с, посмотрим, что у нас тут... *Вторая Генеральная национальная ассамблея народа Кубы приняла Гаванскую декларацию с осуждением решения об исключении Кубы из Организации американских государств, в скобках—ОАГ, и обвиняющую в заговоре против Кубы Сэ Шэ А и олигархические правительства Латинской Америки...*

ПЕРВЫЙ НАРДИСТ (бросая кости). А что наши говорят по этому поводу? Неужели молчат?

ЦИЦЕРОН. Вообще-то с Кубой у нас не очень уж дружба, мы больше с африканскими братьями цацкаемся...

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Поглядим. Ага, вот: *Из Москвы в Гавану с дружественным визитом вылетела делегация в составе главнокомандующего Рэ Вэ ЭС ЭН—маршала ЭС ЭС Бирюзова, генерал-полковника ЭС Пэ Иванова, а также первого секретаря Це Ка Компартии Узбекистана товарища Рашидова Шарафа Рашидовича...*

ЦИЦЕРОН. Рэ Вэ ЭС ЭН—это что такое?

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Ракетные войска это.

ЦИЦЕРОН. А герой целины Рашидов при чём? С каких это пор он в ракетчики записался?

ПЕРВЫЙ НАРДИСТ. Ничего ты не понимаешь в политике, Цицерон. (Любопытному гражданину.) Поищи, может написано: Кеннеди как отреагировал?

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Вот: Президент Сэ Шэ А Джон Кеннеди отдал приказ о подготовке войск для военной акции в случае обострения ситуации в Лаосе; к берегам Индокитая отправлена оперативная группа седьмого флота Сэ Шэ А...

ЦИЦЕРОН. Ты что несёшь? Где Куба, а где Индокитай? Географию в школе учил?

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. А я при чём? Здесь так написано. (Заглядывает на обратную сторону страницы.) А, вот: Силы Патриотического фронта Лаоса заняли город Луан... гнам... тха, на территории, контролировавшейся правительством принца Бун Ума, введено осадное положение...

ЦИЦЕРОН. Какой ещё принц? Слушай, если не умеешь толком газету прочитать, не мучай людей! Нет на тебя нервов!

Серго отстраняется от меня, делает шаг к дверному проёму:
— Кончайте лаяться, работать мешаете. Будете орать — нагоню взащей!

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Не желаете про внешнюю политику — поищем что-нибудь другое. Вот: Человек шагает в космос...

ВТОРОЙ НАРДИСТ. Кукурузу сеять?

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Академик Вэ Черниговский: старт взят! Для людей нашего поколения сознательное отношение к жизни и своим собственным поступкам связано с Великой Октябрьской социалистической революцией. Те, кто был постарше, брали в ещё не окрепшие руки оружие и вместе со старшими братьями и отцами отвоёвывали молодой республике право на существование. Те же, кто был младше, восхищались своими старшими братьями, завидовали им. Трудное это было время, но все были неисправимыми мечтателями...

ВТОРОЙ НАРДИСТ. Слушай, ты уже на неприятности нарываешься!

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. От меня что хочешь? Это что, мои слова? К Черниговскому обращайся, академику.

ЦИЦЕРОН. Кто он такой, этот академик?

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН (заглядывает в газету). Директор института физиологии имени И Пэ Павлова, основоположник космической физиологии...

ПЕРВЫЙ НАРДИСТ. А-а, это он, садист, Лайку утробил. Убери его к чертям.

Любопытный гражданин берёт другую газету: — Погляди, о чём в «Известиях» пишут... Мы с вами труженики одной армии — армии строителей коммунизма. Письмо советских космонавтов, открывателей трасс Вселенной, читателям нашей газеты. Читать?

ВТОРОЙ НАРДИСТ. Нет.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Нет так нет. (Листает газету.) Мы мечтаем: Москва — Владивосток за два часа. Уже недалеко то время, когда по заатмосферным трассам полетят пассажирские ракеты. Художник Константин Пружинин нарисовал для нас стартовую площадку многоступенчатого пассажирского ракетного корабля будущего. Пассажиры, которым нужно быстро попасть на восточную окраину нашей Родины, — хирург, торопящийся на сложную операцию, геолог, капитан дальнего плавания, срочно вызванный к месту службы, — спокойно входят в лифт. Им не надо привыкать к шуму, вибрациям и резким перегрузкам, ведь конструкция пассажирской ракеты обеспечивает спокойные условия и безопасность полётов. В грузовые отсеки грузят почту и посылки — цветы для героев труда, крымские фрукты, землянику, памятные подарки. Ещё минута — закроется люк кабины, позвучит сигнал, — хлопочущий факел, созданный гением и упорством советских людей, прорвёт толщу земной атмосферы и вырвется в заоблачную пустоту. Счастливого пути, мирные звездоплаватели!

ВТОРОЙ НАРДИСТ (обдумывая ход). Цветы для героев труда, говоришь? Крымскую малину...

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Вот ещё: Герман Титов. Американский дневник. Фрагменты...

ПЕРВЫЙ НАРДИСТ. Хватит, хватит про космос, на землю вернись.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН. Хорошо, дорогой. (Листает газету.) Вот: Ходжа Ахмед Аббас — видный индийский писатель и общественный деятель. Советским читателям Ходжа Ахмед Аббас известен как автор замечательных романов «Сын Индии», «Завтра принадлежит нам», многочисленных рассказов, а также сценариев фильмов «Дети Земли», «Бродяга», «Господин четыреста двадцать»...

ЦИЦЕРОН. Ва, это которые с Радж Капуром? «Мере джупа Индостани»?

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН (продолжает)
...Книга о Юрии Гагарине «Пока не достигнем звёзд» — новая работа Аббаса, получившая широкую популярность у индийского читателя. Мы публикуем главы из этой книги в переводе Вэ Соткина... Всё, всё, кончаю о космосе. Я откуда знал, что этот индус про Гагарина напишет? (Читает.) В Казахской ЭС ЭС ЭР образованы Западно-Казахстанский край и Южно-Казахстанский край...

Второй нарди́ст в сердцах швыряет кости на доску:

— Неймётся Никите, в заднице толстой свербит: у нас пятьдесят два административных района было, теперь имеем двадцать восемь сельских районов и один промышленный. Вместо одного райкома на район теперь по два, который чем управляет — хрен поймёшь. Что под руку подвернулось — на целину уволокли, самого паршивого трактора на селе не оставили. Еда подорожала, ещё наглости хватило объявить: по просьбам, мол, трудящихся поднимаем цены на мясомолочные продукты. Цицерон, ты просил, чтобы на колбасу цену повысили?

Цицерон приосанился:

— Я никогда никого ни о чём не прошу, тем более — партию!

ВТОРОЙ НАРДИ́СТ. Серго, ты просил у правительства, чтобы белый хлеб с прилавков исчез?

Серго отмалчивается, даже сопеть перестал.

ПЕРВЫЙ НАРДИ́СТ. А вы знаете, что за последнее время здоровье товарища Хрущёва ухудшилось?

ЦИЦЕРОН. Что-то не слышал...

ПЕРВЫЙ НАРДИ́СТ. Естественно, не будут же афишировать. Итак, он страдает грыжей от поднятия целины, запорами от переедания кукурузы, одышкой от соревнования с Америкой и ещё словесным поносом от радости.

ВТОРОЙ НАРДИ́СТ. А чему этот несчастный радуется?

ПЕРВЫЙ НАРДИ́СТ. Тому радуется, что Берию он успел расстрелять, а не наоборот.

Любопытный гражданин складывает газеты на стул и поспешно уходит. Серго выбирается наружу:

— С ума посходили — при нём, — указывает вслед беглецу, — такие разговоры водить?

ВТОРОЙ НАРДИ́СТ. Он бывший, Серго, бывший — мыльный пузырь.

— У них не бывает «бывших», — Серго недоволен.

На мостовой мальчишки обозначают кирпичами ворота, кто-то бежит с мячом, одновременно оживает репродуктор в парикмахерской, раздаются первые такты футбольного марша. Нардисты прекращают поединок, подступаются к дверям.

Цицерон умудряется протиснуться внутрь, становится между витриной и рабочим столом. Подготавливаются биржевики.

— Серго, прибавь звук.

— Э-э, совсем одурели — Заура нет на поле...

— Для второго тайма придерживают.

— А Банишевский всё таки зверь! Большой футболист!

— Никакой он не зверь, посмотрел бы я на него без Маркарова.

— Говоришь тоже: «сухой лист» у него здорово получается...

— Цицерон, ты совсем из ума выжил. «Сухой лист» — это Лобановский.

— Кончайте орать! Наши забили, один — ноль!

— Кто забил?

— Кто мог забить? Миша, конечно!

— Да-а, Миша — это король! Такие раз в сто лет рождаются!

— А Сёма что, хуже?

— Сёма — тактик, а Миша — король финта, сам Пеле от его игры одурел.

— То-то же сборная с твоим «королём» чилийцам продула...

— А Миша здесь при чём? Качалина за яйца подвешить надо: Маслёнкина, фраера, вывел, а Шестернёв всю игру в запасных просидел. Мамыкин с Понедельником на поле, а Муха и Хусаинов отдыхают. У Яшина сотрясение мозга — он его в ворота ставит, самодур!

— Вот ты какую сборную собрал бы, например?

— Ва! В воротах, конечно, Яшин. Нападение — Миша, Муха и Эдик Стрельцов...

— Почему трое? Почему итальянская система? Что, своих мозгов нет?

— Потому, что катеначчо — это не футбол, это философия...

— Про Стрельцова забудь, он на Вятке лес валит.

— Говорят, Эдик на дочку Фурцевой полез, вот его и загнали в лагерь...

— Молодец, Стрелец, надо было и мамочку работать, она ещё очень даже ничего...

— Кончайте орать! Маркаров счёт сравнял!

Тишина. Цицерон прочищает горло:

— Следующая игра с кем?

— «Спартак» (Ереван).

— А-а, армяне и футбол — смешно. Назовите мне одного армянского футболиста...

Армянин Серго, дёрнув машинкой, выдирает мне клок волос.

— Вообще-то футбол — это английская игра. Только англичане умеют играть в настоящий футбол.

— Ага, Серго: Пеле и Гарринча—балерины, Эйсе-био—сапожник, Маццола—парикмахер...

Витрина со звоном рушится. Тяжёлый, зала-танный белой ниткой мяч, стукнув по лысине обсыпанного осколками Цицерона, откатывается в угол. Мостовая вмиг пустеет. Потрясая кулаками, Серго выбегает на тротуар:

— Банишевские, вашу мать!

Серго возвращается, прячет мяч в тумбочку: — Соберут деньги за стекло—отдам.

Цицерон прикладывает к голове смоченный водой платок:

— Говорил я тебе, вставь фанеру.

— Целыми днями ваши небритые рожи перед глазами, мне что—и на улицу не глянуть?— отве-шивает мне подзатыльник.— Не верги башкой! Приходишь с рублём, требуешь, чтоб я Жерара Филиппа из тебя сделал...

Я сдёргиваю простынку:

— Рубль сегодня—это десять старыми, жадина!..

Замещая футболистов, улицу заполняют само-катчики. Самокатчики—владельцы самокатов, а самокат—это две закреплённые под прямым углом доски с шарикоподшипниками, врезанными в ту доску, в которую упирается нога. У «завмаговского» сынка самокат «настоящий», на колёсах с рези-новым ободом,—остальные давятся от зависти. Самокатки у меня нет, зато у меня есть велосипед «Орлёнок» и живой медведь, посему иду сквозь мелкоту, задрав нос.

Из арки, приволакивая ноги, выходит горожан-ин в полосатой пижаме, в руке вместительный кувшин,—подбирается к пивной будке:

— Гарик, спасай!

— Сейчас, дорогой, пусть пена отстоится...

— Какая пена? Скончаюсь! Давай как есть...

— Посмотрите, как нездоровится человеку! Что, день рождения отмечал?

— Уф! Нет. Свояк из Сухуми приехал.

— Поправляйся, дорогой. Второй бокал за счёт заведения— «гвардейский».

— Гарик, кувшин наполни, пойду родственника лечить.

Николай Христофорович выкатывает со двора «Москвич»:

— Собери детвору, поедем на озеро.

— Ура! Мама, мама, выпускай Михо, мы кататься едем!..

Диорама

...в целях обеспечения денежного обращения и придания большей полноценности деньгам...

1 января 1961 года

Третьего (день полочки) батюшка явился в се-мью с высоко заломленной бровью, что означало

высшую степень смущения духа. Матушка без слов нацепила очки и проследовала за ним в лоджию (совещательная). Я, любопытствуя, прошмыгнул следом. Батюшка выложил на стол тощую стопку разноцветных фантиков:

— Зарплата, премиальных не будет.

Матушка закурила, стянула со стопки лиловую бумажку с профилем Ленина по центру, рассмо-трела её на свет:

— И сколько здесь?

— Триста.

— ...

— Хрущёв мамой клянётся: все старые деньги поменяют по курсу и цены сократят в десять раз...

Можно обмануть доверчивого обывателя, но ры-нок не обманешь—в результате «реформы» рубль был недооценён как минимум в два с четвертью раза (по золотому содержанию), а значит, в два с четвертью раза снизились доходы и подешевели накопления граждан. В выигрыше оказалась пят-надцать лет пребывавшая в загоне партномен-клатура, доходы которой существенно возросли и отоваривалась которая теперь в закрытых рас-пределителях. В госторговле цены сократили вде-сятеро, а вот на рынке они уменьшились лишь в четыре-пять раз, и, естественно, качественные продукты стали перемещаться из магазинов на рыночные прилавки. Было положено начало тому, что сегодня называют упругим словом «корруп-ция»: завмаг покрывал кассу, разницу относил «наверх», не забывая и про собственный карман.

Ликвидировали кооперативы и артели—пропа-ли качественные одежда, обувь, посуда, игрушки. Огосударственная наша мебельная фабричка стала производить такую дрянь, которую не брали даже люмпены, привлечённые в город на «стройки социализма».

Введённая властью уравниловка подтянула зарплаты к среднему стандарту, труженики стали приворовывать для спасения живота своего.

В шестьдесят втором поплохела и подорожала еда. С улицы исчезли автоцистерны с надписью «Рыба»—рыба, но уже другая, незнакомой породы, появилась на прилавках в замороженном виде. «Новой» колбасой брезговали дворовые коты. Убрали пивные будки, вместо пива торговали газировкой из аппаратов под цветастыми зон-тиками: с сиропом—четыре копейки, без—одна копейка. Разливальщики не доливали сироп и в жаркие дни имели с того приличный навар. Про-пала мука. Если муку выбрасывали, выстраивались очереди, в одни руки отпускали не больше двух килограмм. В нашей булочной опустело две трети полок, на остатной трети присутствовал хлеб двух сортов—вкусом и консистенцией напоминавший оконную замазку чёрный и серый, непечённый, с привкусом сырого гороха. Белый складывали

под прилавок, отпускали по справкам из поликлиники малокровным, хроникам и дошколятам — полкило на душу.

Акоппетрович потерял прежнюю выправку, увял лицом, днями рыскал по продбазам, выбивая провиант для поддержания «своих» покупателей. А с полок продолжала исчезать такая привычная прежде еда — гречка, манная крупа, пшёнка, стущёнка, сливочное масло. В молочных отделах стучали привальные плавленые сырки...

Укрупнили колхозы, преобразовали их в совхозы и лишили права вывозить собственную продукцию на рынок — обязали сдавать весь урожай государству, что привело к пересортице и тотальному воровству в сельском хозяйстве и завершилось сокрушительным продовольственным кризисом шестьдесят четвёртого года. Акоппетрович слёг с обширным инфарктом.

2. Перечиталка

*...и взглядом укажет на книжную полку,
Там всё уже есть — и леса, и озёра,
И реки, и роза на лане Азора...
Паола Урушадзе*

Страсть к чтению — это генетическое, привить сие влечение либо отучить от него невозможно.

Нынче среди пасынков перестройки считается хорошим тоном избавляться от книг: мол, пережитки беспроектного прошлого, прах и тлен. А я вот уже пятьдесят лет с лишком книги собираю, вернее — пополняю библиотеку, что осталась от родителей, ибо семья читала запоем, книга являлась объектом поклонения и в доме была уйма разнообразной литературы.

Батюшка, ярый монархист, держал отдельную полку с зачитанными до дыр «белыми» мемуарами — не удивляйтесь, господа-товарищи, в тридцатых годах прошлого века в СССР свободно издавались воспоминания Шульгина, Родзянко, Краснова, Деникина...

Матушка новомодной «писанине» предпочитала Чехова, Достоевского, Флобера, Стендаля, сестёр Бронте.

Старший брат — «шестидесятник» до мозга костей: томик Евтушенко в кармане, Джером, Хэм и Грэм Грин в постоянном обращении.

Глядя на взрослых, начал я таскать книжки в кровать на ночь, — помню, проглотил тогда весь доступный корпус грузинской мифологии, а славный Николай Альбертович Кун познакомил меня с героями греческой старины. После был Сетон-Томпсон, над которым тайком рыдал в подушку, далее — сваливший юное дарование с приступом нервной горячки «Рассказ оленёнка» Важа Пшавела. Одолея Буссенара, что-то из Жюль Верна, увлекательнейшие похождения Тома Сойера, далее — Лев Кассиль с его Швамбранией, и на всю

последующую жизнь — потрясение от великолепного барона Мюнхгаузена.

Случались и ляпы — изредка со стороны попадали в мои руки образцы бездарного агитпропа хрущёвской поры, но осуществляемый старшим братом пристрастный надзор за времяпрепровождением младшего отрока семейного древа способствовал своевременной их утилизации и замене вредоносного материала просветительским.

Съехали соседи, на освободившуюся жилплощадь вселился вдовствующий отставной полковник, вывезший из восточногерманских земель многочисленных отпрысков, незамедлительно произведённую старшим братом в маркитантки домработницу и окованные железом тяжёлые сундуки.

Маркитантку моментально изодрал в кровь мой медвежонок — почуял вредный дух. Образовался скандал, но замаяли. Кончилось тем, что пострадавшая, выходя в общий двор, орала:
— Зацепите медведя.

Сам полковник, пребывавший после фронтовой контузии в угрюмом состоянии, разбил во дворе огород, оградив грядки палисадом, чем привёл в изумление аборигенов: посева в центре утопающей в пригородных садах грузинской столицы, на каждом перекрёстке которой теснились лотки со свежесобранными овощами и фруктами, в пономие обывателей не вмещались...

По завершении ежедневных сельхозработ контуженный расставлял по подвалам и дворовым закускам клетки-мышеловки, а поутру, выставив на середину двора ведро с водой, топил в нём отловленных грызунов. Матушка, трепетно любившая всякую живую тварь, призвала на голову живодёра кары небесные, после чего бравый оберст был вынужден публичные аутодафе прекратить.

А с полковничьим последышем я сдружился, ибо отрок он был добрый и сразу допустил меня к своим сокровищам, скрытым под крышкой одного из сундуков. Среди всяких интересных предметов обнаружил я в том сундуке книжку — «Тимур и его команда», с забавными физиономиями на обложке. Книга немедля была позаимствована, и, уединившись дома в детской, я вгрызся в текст.

Распространяя аромат свежего пива и лёгкого студенческого флирта, прибыл старший брат:
— И что это мы почитываем?..

Гайдара мой наставник драл на моей голове до ключев, орал при этом:

— Павлика Морозова мне в доме не хватало, вырастили уroda...

Кончилось тем, что инквизитор извлёк из книжного шкафа увесистый том и вручил мне:

— Отчитываться о прочитанном ежевечерне!

Брата я почитал как бога, посему, утерев слёзы, принял книгу и умилился изображением смешного толстого человечка на обложке.

С новой книгой случилась незадача: назавтра я свалился в постель с банальной свинкой, которой вместе с сочинением Гайдара наградил меня полковничий отрок.

Обмотанный по хилой шее шерстяным шарфом, при байковых, заботливо изготовленных матушкой, наушниках, приступил к смакованию выпавшей в виде инфекции удачи — раскрыл наказанную книгу: «Похождения бравого солдата Швейка».

Захватило с первых строк, но по неопытности некоторые бытовые детали были непонятны, по-сему приходилось справляться у матушки, располжившейся с вязанием у одра.

— Мам, а что такое триппер?

— Э-э... Ну... Это, в некотором роде, инфекционная болезнь...

— Как свинка?

— Э-э... Почти.

.....

— Мам, а что такое бордель?

— Что ты, мерзавец, читаешь?! И где ты это взял?

.....

После бурной дискуссии Швейка изъяли (старшему брату изрядно досталось), а на семейном совете постановили: Толстой, Лев Николаевич.

Очаровательное в связи со свинкой ничегонеделание омрачилось «Казаками», «Севастопольскими рассказами» и чем-то ещё очень слащавым — помню, в клетке помещались вместе лев и собака. Ещё помню, кто-то сидел в яме, а я хихикал над ортопедическими фамилиями.

Я и позже пытался подружиться с графом, благо «Война и мир» присутствовал в школьной программе. Увы, не получилось, завяз в словесных конструкциях. Далее обращался опять и опять — к моему стыду, ни один из романов великого гуманиста одолеть не сумел. На этой почве сложился некий комплекс: может, сам ущербный, не способен разобраться в мыслеформах титана...

Подоспело время познакомиться с Диккенсом, Бальзаком, Фейхтвангером, Драйзером — упал в глухую депрессию; добили меня Шолохов и Фадеев в сговоре с тогдашним классиком грузинской литературы Константи́нэ Гамсахурдия.

Ну что же — не каждому дано горшки обжигать, кто-то должен и глину месить, пора было задуматься о будущем и, по-видимому, писать заявление о приёме в школу штукатуров.

Выручили: Чехов, Бунин, великий Гоголь, Салтыков-Щедрин, Лесков, Рабле, Свифт, Боккаччо, Стерн, Мелвилл, По, Мопассан, Де Костер, Джером, Сэлинджер. И пошло, и поехало, и вперёд — удача для моего поколения — «Иностранка» разродилась: Силитоу, Камю, Фолкнер, Кафка и дальше — Воннегут, мерзавец, а тут Шекли и Саймак, и Лем со своим «Солярисом» окончательно мозги смешал.

И совсем ведь убийство — Михаил Афанасьевич, Эренбург и братья Стругацкие принимают эстафету. Ну, столько сразу — этак в паранюю можно уйти... А тут печатают и печатают: Бабель, Пильняк, Виан, Ивлин Во, — а дальше — хуже: полный Джойс, и убийственный Йейтс, и Голдинг, и Буковский, и... и...

Так что — каждому своё: кому, знаете ли, Анна-суцидница, а кому Чайльд Гарольд, Арсеньев и «Очарованный странник».

В зрелые годы пришёл я к выводу: на определённом этапе становления государственности любая власть вынуждена сотворить сонм почитаемых кумиров для толпы. Те самые, избранные властью, должны быть абсолютно предсказуемы, управляемы, и в этом случае их препроводят в Пантеон. Любая власть изначально глупа, косна и инстинктивно опасается неординарной личности, таланта и озарения духа. Отсюда нудноватый Диккенс в викторианской Британии, бесцветный Бальзак, но это-то ещё понятно — после ужасов термидора и диктатуры Корсиканца прогрессиста-вольнодумца на олимп вряд ли бы допустили. Отсюда и Лев Николаич, время-то нехорошее было — трон шатался: ну и что, что босиком гуляет, главное — бомбу в кармане не носит и вредных идей не глаголет...

Покойный Жан Бодриар постулировал: «Не спрос рождает предложение, а совсем наоборот, желания людей искусно подгоняются под нужды производителей...» — очень ёмкое определение, ведь можно применить к любой сфере деятельности, включая литературу, особенно сегодня...

Как сказано выше, многолетними стараниями вырастил я свой книжный сад — около трёх тысяч шедевров словесности, и прелесть существования в этом саду состоит в том, что в любую минуту можно протянуть руку и освежить в памяти страницу-другую автора, необходимого для сохранения душевного равновесия именно в этот час, или, когда перечитываешь вдумчиво исторические хроники и возникает необходимость присовокупления к основному тексту многочисленных отсылок, можно обложиться предметами рассмотрения и вкушать весь материал одновременно — получается питательное для мозгов блюдо с изысканным, сложным гарниром. Ну а потаённые садовые дорожки и островки вроде прикроватной тумбочки — это тема для отдельного разговора. Борхес ведь говаривал: рай — это библиотека...

P. S. Всё изложенное есть плод моих горячечных измышлений, посему, будучи человеком деликатным, ни в коей мере не навязываю своё мнение кому бы то ни было.

P. P. S. Толстой спросил Мейерхольда, много ли тот читает. «Если ответить, что много, так ведь он

сейчас и поймает,— пишет Всеволод Эмильевич.— Я ответил, что читаю мало, читаю медленно». А Толстой и говорит: «Правильно. Самое ужасное, когда человек уж очень много читает. При этом он теряет себя—станет кладезем чужих мыслей, а своего ума часто и нет. Только и заглядывает в кладезь без усталы...»

Диорама

Всенародное ликование: из рук в руки передают утренние газеты с портретами бровастого, улыбочивого и второго—хмурого аскета: «Убрали, убрали плешивого, скинули!»

Верхи, вволю нахлебавшись единовластия бесноватого кукурузника, порешили учредить дуумвират: партию доверили Брежневу, хозяйствовать поставили Косыгина.

Восстанавливались со скрипом: хрущёвщина оставила после себя дурное наследство—нефтяную «иглу» и поговорку: «Кто не крадёт из казны, тот обворовывает собственную семью»,—которая пошла гулять по городам и весям одной шестой части земной суши.

Косыгин, матёрый производственник, развернул новую индустриализацию—для нас она вылилась в Большую химию, предприятия нетканого текстиля, машиностроение и приборостроение, повязанные с оборонкой.

Поднимали разорённый аграрный сектор, мясное, молочное животноводство. На прилавки магазинов стали возвращаться продукты, но того, «дохрущёвского», ассортимента и качества уже не было—попроще сделалась еда, без изысков. Акоппетрович, после курса реабилитации в Кисловодске с прежней энергией принялся напивать «своих» покупателей. Объявился пропавший было Вечный Гарик, на сей раз с табачным лотком—папиросы россыпью и новомодные удлинённые сигареты с фильтром. Жизнь худо-бедно налаживалась...

3. Наш парк

*В белом небе качаются люльки,—
Как скрипит колесо это чёртово!*

Паола Урушадзе

— Ну как фильм—драки есть?

— Ага, сплошной мордобой...

Пару лет спустя:

— Ну как фильм—целуются?

— Ага, без остановки...

История иронична—обустроивали парк Победы пленные немцы. Начали в сорок четвёртом, завершили ландшафтные работы в сорок шестом: осушили болотистую пустошь, взорвали разбегавшиеся от подножья Мтацминды скалистые взгорбья, в теле горы вырубили террасы, серпантинном зазмеившиеся к подножью от оконечностей

затаившегося в уютной ложбине Черепашьего озера. На склоне обустроили дивный дендрарий—с той поры Мтацминда одаривала нас терпким, пьянящим ароматом весеннего первоцвета: акация, иглица, самшит, бересклет, боярышник, миндаль, сумах, олеандр и какие-то ещё, диковинные, заморские, пахучие...

На плоскость везли жирную лесную землю—полуторки выстраивались в очередь от девятой больницы, нужно было покрыть слоем плодородного грунта две сотни гектаров «отутуженного» пустыря.

Высаживали деревья, уже взрослые, с разлапистыми корнями: стройные серебристые ели, раскидистые липы, широколистые платаны, островерхие тополя, плакучие ивы, ветвистые унаби (по осени детвора бегала лакомиться сладкими костянками). Разбивали цветники, обрамляли их туей, жасмином, сиренью.

В центре заложили обстоятельный бассейн с величавым, неутомимым фонтаном; череда звонкоструйных малых водомётов потянулась к ступеням разгонистой лестницы, взбегавшей к колоннаде главного входа.

От главенствующего фонтана разошлись широкие аллеи: одна—к «нижнему» турникету строящегося стадиона, вторая—в противоположную сторону—соединяла сердцевину парка с жилыми кварталами. Завершала перекрёсток продольная «прогулочная», зазывавшая разомлевший люд к декорированной листовым плетением мирорума изящной балюстраде гостеприимного ресторана. Меж ними—лучи радиальных стёжек: каждая—к последовательно объявлявшимся в самых неожиданных местах развлекательным и напивающим заведениям. Из-за большого объёма работ достраивали открытый для посетителей парк ещё лет пять-шесть.

Одним из первых открылось «Детское кафе» с сосисками нашей же фабрики и непременно свежим пивом. Малолеток среди посетителей не наблюдалось, зато табунами валили их папаша и старшие братья. Спихватившись, дирекция парка в спешном порядке установила напротив неправильного детского заведения разрисованный весёлыми картинками вместительный павильон с уже приемлемым для детворы ассортиментом: здесь угощали молочными коктейлями, шипучим «Ситро», шариками ванильного мороженого, нежнейшими эклерами и сахарной ватой. Сложился консенсус: догуляв до кафешек, семейство временно разделялось—родитель сворачивал к пиву, родительница с малолетними отпрысками к эклерам.

Остроили танцплощадку с оркестровой «ракушкой»—погожими вечерами валторна призывно выводила первые ноты бессмертного вальса

Иона Ивановича, прелюдию подхватывали медные: изумрудное убранство парка раскрывало объятия голубой дунайской волне.

Кружились пары, бережно поддерживая друг друга, всё ещё не веря, что война осталась позади, что божественная мелодия не прервётся надрывным воем сирены, что не нужно будет провожать с рассветом в невозвратное того, кто только что приобнял тебя в полуповороте...

Стадион отгрохал внушительный — двадцатипяти тысячник, с основным и тренировочным полями, тренировочное обрамляла гаревая дорожка. Сразу же образовались спортивные кружки: ДОСААФ, собрав по городу вольных мотоциклистов, запустило секцию новомодного спидвея; на основном поле, на беговой, обгоняя семенящих по бровке ходяков, скакали через барьеры поджарые спринтеры; по набегавшей на склон крутой тропе размашистым шагом разогнались стайеры-кроссовики. Скоро взвился над травяным ковром кожаный эллипсоид — «чанчур», запущенный в небо мощным ударом новоявленного фулбека: городу продемонстрировали, что чужеземное регби есть не что иное, как слегка причёсанное чопорными англичанами дедовское наше дело. С регбистами игровое пространство делили детская и юношеская футбольные школы.

У восточной стены стадиона устроили дюжину аттракционов: тут и качели для малышни, и взлетающие в небеса «лодки» для выростков, карусели большие и малые, скоростная карусель на цепях (у девчонок задирало юбки, они смущались и истошно визжали). Колесо обозрения, «катальные» горки, обязательная комната смеха с кривыми зеркалами, серсо с призмами, всевозможные силовые. Циклоп забросил лакокрасочный промысел и устроился заведовать пневматическими ружьями в тире — самом посещаемом вакинскими хулиганами заведении.

От аттракционов заставленная столами для настольного тенниса аллея вела к корту тенниса большого, а за ним, в зелёной зоне стадиона, скрывался от взора непосвящённых угол гурмана — кабачок «Ветерок» с божественной «семейной» кухней и всегда в меру охлаждённым «Восьмым номером» в литровых фуфырях зелёного стекла.

Наконец запустили открытый кинотеатр с эстрадой — в парк пришло большое кино.

К девяти сюда стекалась вволю нагулявшаяся публика: кавалеры выстраивались в очередь за билетами, дамы рассаживались на скамьях под пахучими липами. Из зала, с эстрады, будущий заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР, будущий народный артист Дагестанской АССР, а также будущий заслуженный деятель искусств Карачаево-Черкесской республики, народный артист Мордовии, народный артист Республики

Калмыкия, заслуженный артист Адыгеи, народный артист Украины, заслуженный деятель искусств Молдавии, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, Герой Труда Российской Федерации, почётный гражданин двадцати восьми городов — всё это в будущем, а в ту пору — солист ансамбля песни и пляски Закавказского военного округа Иосиф Давидович Кобзон шансонировал лирико-драматическим баритоном: «Летят перелётные птицы в осенней дали голубой...»

Кобзону не нужен был берег турецкий, и Африка была ему не нужна, а нам они были нужны позарез, и мы шли смотреть обязательные «Новости дня» про наши достижения в международных отношениях, в том числе и с африканскими товарищами, про бастующих итальянских трамвайщиков, про успехи польских судостроителей, про достижения спортивные: Валерий Брумель взял высоту двести сантиметров, Роберт Шавлакадзе первым из советских прыгунов одержал победу над представителем США... После журнала крутили кино — «Весну на Заречной улице» Хуциева: публика постарше хмелела от Рыбникова, мы, недоросли, отчаянно скучали. Зато назавтра весь зал, и стар и млад, потешался над буквоедом Огурцовым из «Карнавальная ночи»...

Премьера: «Тайна двух океанов» нашей же киностудии. Молодой Луспекаев в роли чекиста Карцева — дамы млеют.

Дуэт Самойловой и Баталова, «Летят журавли», — копытами били представители сильной половины, представительницы прекрасной половины вынесли вердикт: Баталов выглядит слегка недокормленным, но со временем может пробиться в кумиры.

«Дело «пёстрых» — засветилась обворожительная Фатеева.

«Последний дюйм» — душераздирающая драма о том, как мальчик Дэви спасает покусанного акулами отца, научившись по ходу пилотировать самолёт: долго ещё тягучий блюз про пустившего в пляс Боба Кеннеди («...какое мне дело до всех до вас, а вам всем до меня?») тревожил души чувствительных горожан.

Вечернее кино стало обязательным мероприятием: дамы ходили на Стриженова, кавалеры на Вергинскую. Запустили французские «Плату за страх» и «Фанфана-Тюльпана» — Ив Монтан с Жераром Филиппом отправили Олега Александровича в нокаут. Мужчин наповал сразило откровенное декольте очаровательной Лоллобриджиды.

Зарубежное кино пошло валом: «Жених для Лауры» — игрунья Лолита Торрес (четыренадцать раз гастролировала в СССР); «Любовное свидание» — мужики поголовно влюбились в обворожительную Сильвию Пиналь; «Колдунья» с таинственной Мариной Влади; «Бабетта идёт

на войну» — первое знакомство с пошатнувшей сложившийся ещё с тридцатых стереотип женской красоты Бриджит Бардо; «Улица Прери» — впервые, прочно захвативший симпатии ценительниц строгого мужского обаяния, Жан Габен; «Закон есть закон» — зубодробительный дуэт Тото и Фернанделя; «Серенада Солнечной долины» — живьём джаз-банд легендарного Глена Миллера; «Мистер Питкин в тылу у врага» — уморительный Норман Уиздом, и, наконец, надолго завоевавший дамские сердца Грегори Пек в «Римских каникулах»...

По-видимому, Фурцева воспылала нежными чувствами к итальянцам — на экранах страны сменяли друг друга «Полицейские и воры», «Нет мира под оливами», «Рим в 11 часов», «Утраченные грёзы»... — Целуются?

— Да что там поцелуй, Сильвану Пампанини в одной комбинашке показывают!..

— Бежим, черти, когда ещё такое увидим?..

— Шибко не разбегайтесь — «запретка» висит («запретка» — ненавистная табличка «Дети до 16 лет не допускаются»).

— Вот бл...ди! Тогда не спеша подходим с фланга, дожидаемся начала — и на балкон («балкон» — обширная крыша кинопроекторской, затенённая густой листвой платанов, выстроившихся вдоль задней стены зала: всем был хорош, но присутствие на нём требовало повышенной бдительности — «кусочки» имели дурную привычку периодически устраивать облавы на безбилетников)...

В шестьдесят втором Госкино запустило в прокат «Великолепную семёрку» Стёрджеса. Хрущёв в беседе с американскими журналистами разругал фильм: *«Я смотрел картину. Артисты, занятые в ней, прекрасно играют. Мы выпустили её на экран и получили за это много упреков. В нашей печати выступили педагоги. Была опубликована критическая статья под названием „Двойка за семёрку“.* В этой статье говорилось, что кинофильм плохо воздействует на воспитание молодёжи. Я согласен с педагогами. У вас, американцев, сплошь и рядом на экранах идут такие кинофильмы, где бьют друг друга в лицо, убивают людей, в фильме много извращённого. У вас это считается интересным. У нас же проповедование подобных явлений считается вредным...»

Естественно, что точку зрения Никиты подержала пресса. А зрители — нет: в СССР фильм посмотрели шестьдесят семь миллионов человек. Тифлиские кинотеатры брали штурмом. Взросляки, особенно фронтовики, фильм критиковали, молодёжь пребывала в восторженном состоянии: «шестидесятники» завалили своими портками городские ателье индпошива, требовали перекрой и заузить их, как у отчаянных бойцов «Семёрки»; биржевики осваивали фирменную «тигρινую» походку Юла Бриннера; во дворах и по переулкам разливался посвист музыкальной темы

из фильма — сигнал сбора «продвинутых» гаеров; нередкие в то время уличные разборки приобрели черты подчёркнутого «робингудства» — сильные вставали на защиту слабых...

После «Семёрки» было ещё несколько потрясений: «Подвиги Геракла» со Стивом Ривзом — в магазине общества «Динамо» вмиг раскупили все имеющиеся в наличии гантели и гири, в «Союзпечати» выбрали весь лимит на польский Sportowies — в каждом номере журнала печатали фоторепортажи с международных турниров по культуризму («бодибилдинг» по нынешнему); «Хуана Гальо» с умопомрачительной Марией Феликс — сапожники и прочие кустари незамедлительно обклеили внутренности своих будок вырезками с изображением жгучей красавицы при португее и с револьверами на пышных бёдрах; «Три мушкетёра» Бернара Бордери — тут уже подрастающее поколение будущих «семидесятников» подсуеилось: в фехтовальных секциях города встала живая очередь на запись, из спортсменов растащили рапиры и эспадроны, в отделениях детской «травмы» не успевали штопать рубленые и колотые раны мягких и не очень частей новоявленных д'Артаньянов...

А потом пришёл Збигнев Цибульский — Збышек — и завоевал сердца представителей и в особенности представительниц всех без исключения возрастов и сословий...

В шестьдесят шестом во всё той же нашей киношке я смотрел «Солдатских девок» («Они шли за солдатами» в нашем прокате). Когда по окончании сеанса я вышел из зала под раскидистые лапы высоченных елей, вдруг пришло ясное понимание: детство закончилось, его больше не будет никогда — Валерио Дзурлини и Мари Лафоре приоткрыли мне дверь во взрослую жизнь.

Диорама

Пришло время полового созревания — годы брали своё... Теоретическую часть поначалу осваивали по срамным одам Баркова, которые, по словам Карамзина, хоть и не печатались, но были «редкому неизвестны». Нам они стали известными заботами старшекласников: посчитав, что время настало, наш наставник из десятого «Б» вручил Папшульцу напечатанные через копирку затёртые листки, наказав обращаться за разъяснениями, буде по неопытности возникнет в таковых необходимость.

После Баркова была срамная подделка «Евгения Онегина», ёрническая перелицовка «Горя от ума»: прочитывалось с интересом, но оставляло неприятный осадок — слишком уж мы почитали Пушкина и тем более погребённого на Мтацминде Грибоедова.

Усоветил нас застывавший подопечных за второсортный порнухой, одуревший от безделья школьный пионервожатый Васико. Отчитав за безвкусицу, посоветовал ознакомиться с живописавшим безобразия ненасытной графини Гамиани

пособием для начинающих, которое приписывали геронтофилу де Мюссе, и вообще—обратиться к классикам: мол, двойная польза будет—тут вам и познавательный момент, и приобщение к изящному слогу.

Интересы разделились: кто-то дивился превращениям Апулеева осла, кто-то с головой погрузился в Мопассана, кто-то предпочёл анатомический натурализм Эмиля Золя. Гурманы смаковали присутствующий чуть ли не в каждом уважающем себя доме только что вышедший из печати двухтомник Хэма.

Подкреплённая мутными, расплывчатыми фотокопиями наиболее забористых «живых фигур» из ходивших уже по рукам старшего поколения глянцевого журналов, теоретическая часть была изучена на пять с плюсом. Ждали летних каникул, дабы обратиться к практике...

4. Дуся

Что за крики за оградой?

Там кому-то явно рады...

Паола Урушадзе

Железноводск—небольшое военное поселение, в 15-ти верстах на северо-запад от Пятигорска, расположено в лесу между горь, при подошве такъ пазываемой Желъзной горы, изобилующей источниками железистой воды разныхъ свойствъ и температуръ.

Въ недавнее время поселение здешнее стало значительно распространяться и теперь состоитъ из 40-50 домиковъ, въ которыхъ находятъ пріютъ постьтители. Кроме того, здесь есть казённый домъ для первоначального помещения приезжихъ.

Кавказский календарь на 1850 годъ

—Что-то не нравится мне цвет твоей склеры,— молвила матушка.—На каникулы поедем в Железноводск!

Железноводск—это очень даже приятно: квартироваться будем у бабы Любы, рядом озеро—обжиманчики с поцелуйчиками в прибрежных кустах, посиделки с гитарой... Тут матушка подпортила перспективу:

—Мы вылетаем пятнадцатого, я уже звонила бабе Любе и просила подыскать ещё одну квартиру для Лины Моисеевны, они с мужем и дочерью подъедут чуть позже. Ты совсем от рук отбилась, не справляюсь уже с тобой, остолопом, а супруг Лины Моисеевны—педагог со стажем, завуч, присматривает за тобой, он мне пообещал.

Вот тебе и каникулы, только воспитательного надзора мне не хватало. Тьфу...

Баба Люба расстаралась, нашла квартиру для будущего инквизитора в соседнем подъезде. Педагогическое семейство объявилось через три дня после нашего приезда. Первой из подъехавшего такси

выбралась пышнотелая Лина, расцеловалась с матушкой. Следом—малолетняя Лялька. За дитём из машины выкатился—именно что выкатился—коренастый дядька с пузиком, пытливно глянул на меня пороссячьими глазками, протянул руку:—Альфред Моисеевич.

После повернулся к матушке:—Симпатичный у вас мальчуган. Я принимаю на себя полнойшую ответственность за организацию полноценного и полезного для повторения полученных в прошедшем учебном году знаний времяпрепровождения этого юноши на время каникул...

Пузатый принялся извлекать из багажника «Волги» чемоданы. Процесс вселения продолжался с полчаса—цербер бегал по лестнице с баулами, Лина нервничала:

—Альфредик, кажется, Лялькину сумку в аэропорту забыли...

—Отнёс уже...

—Альфредуся, а пакет с обувью?

—Здесь он, здесь.

Я, мрачный, наблюдал за суетой. Когда бардак закончился, Альфред отдышался, после обратился к матушке:

—Тамара Владимировна, вы прогуляйтесь с моими девочками, посплетничайте по-женски, а сынок ваш покажет мне окрестности, ладно?

Демонстративно засунув руки в карманы штанов, я направился в сторону озера, вертухай за мной.

—Куришь?

—Нет.

—Врёшь, указательный палец жёлтый.

Альфред вынул из нагрудного кармана пачку «Столичных», протянул мне. Закурили.

—Слушай, здесь какая-нибудь приличная забегаловка есть? Вчера друзья проводы затеяли, хреноповато себя ощущаю.

—На озере шашлычная, повар из наших.

—Веди. Ты как, чекушку осиливаешь? Кстати, зови меня просто Дуся...

Назавтра матушка отправилась со мной в курортную поликлинику на предмет диагностики и обеспечения полноценного курса профилактического лечения. Мрачный доктор, пальпирующий мой потроха, с подозрением поводил носом—принюхивался к выдыхаемому мной перегару; слава Богу, провокационных вопросов в присутствии матушки задавать не стал, но из вредности прописал весь пыточный набор: грязи, клизмы, восходящие и нисходящие обмывания и зачем-то ещё—щелочные ингаляции.

Узрев мою вытанутую физиономию, Дуся поинтересовался причиной упадка тонуса. Выслушав, моментально разрулил ситуацию, убедив матушку, что для него не составит труда взять на себя

строжайший контроль за соблюдением лечебных прописей, а также сопровождать меня к местам экзекуций. Матушка рассыпалась в благодарностях.

Завладев моей курортной книжкой, Дуся ежедневно конвоировал меня к грязе- и водолечебницам, где мы продавали право на посещение клизмакабинетов «диким» курортникам по рублю за процедуру с временной передачей книжки в руки страждущих. За день набегало до трёхдцати, что существенно пополняло Дусину заначку, то есть — наш «общак».

Рядом с озером присутствовал престижный военный санаторий — помпезное здание сталинской архитектуры с теннисной, переходящей в девственный лес рощей. Среди постояльцев санатория преобладали скучающие офицерские жёнуски — факт, который Дуся не умел оставить без внимания. Побеседовав с представителем руководства закрытого оздоровительного учреждения, Дуся на общественных началах подрядился организовать для Верных Боевых Подруг Доблестных Защитников Родины секцию волейбола, пристроив к делу и меня в качестве ассистента тренера. Волейбольная площадка находилась на задах, у самой границы леса. Частенько, оставив меня за главного, Дуся исчезал на полчаса в кустах. Как-то, возвратившись из подобной отлучки, Дуся попросил: — Золотой мой, я там зажигалку обронил, сбегай, не поленись. По тропинке метров тридцать и направо, за большим камнем.

За «большим камнем», разлёгшись на травке, покуривала симпатичная матрона с золотистой косой. Сноровисто лишив меня девственности, дива похлопала пухлой ладошкой по моей голой заднице:

— Смышлёный мальчик, далеко пойдёшь...

Вскороности случилось пополнение — в Дусином подъезде расквартировались новосёлы: наш земляк, великолепный Витя-газоинженер, с симпатичной, похожей на озорного мальчишку женой и сынишкой — начинающим хулиганом; след в след прибыла троица из Баку — плюгавый искусствовед Теодор, обильная телом супруга в мужских бакенбардах, анемичная, похожая на мокрицу дочурка.

Витя сразу вписался в компанию — в первый же вечер, оставив жену с дитём в дамском обществе, закатил малый банкет в шашлычной. Званный от чистого сердца Теодор отказался, сославшись на несовместимость деликатного организма с алко-голем. После застолья предприняли вылазку на зады оборонительного санатория для ознакомления нового члена команды с личным составом волейбольного кружка.

Наутро, похмелившись из бювета номер четыре «Славяновской», устроились в беседке у нижнего

входа в парк. На «ощип» «диких» курортников идти было рано, посему затеяли неторопливую беседу. — У тебя какая хвороба? — обращаясь к газовику, поинтересовался Дуся.

— Да я здоров, как конь, — Витя закурил, пустил дым колечками. — Жена холециститом страдает, вот и изгадил отпуск. Хотя здесь вроде неплохо: природа дивная, харч качественный, и потом — дамское общество очень даже приличное.

Дуся откинулся на спинку скамьи, скрестил короткие ножки — рассматривал неспешно шествовавших к источнику язвенников.

— Ты новичок, главного не знаешь: общение с представительницами противоположного пола на желудочно-сфинктерических курортах не обременяет карман. Представь: кругом масса жаждущих ласки дамочек, и у каждой гастрит, колит... отсюда диета. Таким образом, охмурёж особи обходится в рубль, максимум в два: билеты в кино, мороженое — двадцать две копейки самое дорогое, пломбир в шоколаде. И на помещение тратиться не надо — погоды чудные стоят, кругом лес дремучий... — Дуся поглядел на часы. — Ну, нам на процедуры пора...

— Что ещё за процедуры? — насторожился Витя. — Оздоровительные, для общего тонуса. Хочешь попробовать? «Восходящий душ» — зверская штука, после него трахаешься как автомат.

— Да я вообще-то и так ничего, проблем нет, — засомневался Витя.

— Брось, пошли, уступлю, — Дуся подмигнул мне. — От сердца отрываю, но для друга ничего не жалко.

По дороге Дуся разяснял:

— Понимаешь, сумели раздобыть только одну ксиву, вот и ходим по очереди, а сегодня тебя запустим. Как войдёшь, там за столом тётка сидит, положишь перед ней книжку, она штампик проставит, дальше — по коридору, там обслужат...

У грязелечебницы нагнулись на Теодора. Искусствовед, ряженный в разрисованные картинками из мультфильмов шорты, резво перебирая пооршшими рыжим волосом кривыми ногами, спешил в процедурную.

— Не нравится мне этот тип, — заявил Витя, разглядывая изображение Чебурашки, подпрыгивающее на пухлых ягодицах, — на пидараста смахивает.

— Выясню сегодня же, — пообещал Дуся. — Держи ксиву, тебе в эту дверь.

Ошеломлённый Витя вернулся через полчаса. — Слушайте, неужели вам это нравится? — с сомнением пощупал тощий зад. — Подхохмили, сволочи? — Да брось, какие хохмы, — Дуся затоптал окурок. — Охрентипительная процедура, весь аппарат регенерирует.

— Через жопу?

— Ни хрена ты не смыслишь в мужской анатомии. Ладно, пошли в «Беш-тау», есть информация — чешское бочковое завезли, сегодня я угощаю.

— Только не спеша, тихим ходом,—Витя вновь потрогал копчик.

Вечером Дуся, как и обещал, занялся изысканиями—сославшись на необходимость повидаться с кем-то из санаторного начальства, ушёл со двора. Чуть позже в сторону озера прогулочным шагом направилась Теодорова мадам. Вернулась дива через часок, с порозовевшими щёчками, сарафан слегка помят. Мы с Витей помчались в беседку. Дуся, облизываясь, аки сытый кот, почёсывал пузико:

— Не пидараст, хуже.

— Что?!

— Переутомился, кандидатскую писал, проблемы с потенцией. Приехал грязевые клизмы ставить для стимуляции. А мадама ничего, огнедышащая женщина, вулкан...

Я стрельнул у Дуси сигаретку.

— Он ещё и газами мучается, вздутие живота у него.

— Откуда знаешь?

— Сам сказал, просил присоветовать какое-нибудь средство.

— Ну и?

— Я его послал по терренкуру номер три, к Железной, там есть бювет—источник «Незлобинский», вонючий—близко не подойти. От одного глотка ровно через час нападает суточный понос, ничем не заткнёшь.

— Дальше, не тяни.

— Ну, он сходил, вернулся с термосом. Во дворе больше не появлялся.

Подоспело воскресенье. Мы с Дусей скучали в беседке. Грязелечебница по выходным не работала. Общак иссяк. Витя увёз семейство на экскурсию в Кисловодск. Теодор третий день не выходил из квартиры.

— Охрением от безделья. Слушай, ты вроде рисуешь? Сиди здесь, я мигом,—Дуся убежал.

Вернулся действительно скоро, в руках рулон ватмана, склянка с клеем, карандаши, набор акварельных красок.

— Откуда это добро?—я выпучил глаза.

— В домкоме симпатичная начальница, не замечал? Стенгазету будем делать. Так, на этом листке изобрази Теодора в шортах, с рулоном туалетной бумаги в руке, на этом—Витю голышом на процедуре, только без анатомических подробностей, пусть руками прикрывается. Пока рисовать будешь, я текст составлю.

Я принялся за дело: мосластого Витю усадил на трёхногий стульчик, снизу пустил струю, после изобразил Теодора в муляжшных шортах, конечности покрыл густой шерстью.

— Классно,—Дуся развернул лист ватмана.—Теодора клеим сюда, Витю сюда. А теперь красной

краской заголовок, большими буквами: «В здоровом теле—здоровый дух». Под картинками стихи,—сунул мне бумажку.

Управились мы часа за полтора. Много времени заняло написание шрифтом стихотворного текста: «*Виктор, сей достойный муж, любит входящий душ. Витя, пону береги, душ влияет на мозги*»,—и: «*Шорты—средство от запора, так решился Теодора*».

— Пошли, приедем на пожарный щит у подъезда,—Дуся ухватил пузырёк с клеем.

Женщина-вулкан закатила безобразный скандал:

— Это оголтелое хамство! Теодорчик третьи сутки с унитаза не слазит, постарался, садист,—ткнула в меня пальцем.—Я уже и энтеросептолом поила, и марганцовкой—ничего не помогает...

— Нечего было литрами воду глушить, дорвался до халявы,—огрызнулся я.

— Немедленно уберите эту мерзость! Я буду жаловаться!

Появились дамы. Лина Моисеевна сложила губы бантиком:

— Альфре-едик, ну как не стыдно?

Матушка надела очки, придвинулась поближе:

— А Виктор очень удачно получился, как живой...

— И дядя Теодор тоже очень похож,—присоединилась малолетняя Лялька.

— Варвары!—Теодориха умчалась вверх по лестнице. Хлопнула дверь.

Одуревший после нудной экскурсии Витя вмиг развеселился, хохотал до колик:

— Альфред, подари. Отрежь мою половину, в кабинете повешу...

— Ага, губы раскатал. Мы, между прочим, трудились, творческую энергию тратили...

— Ладно, понял. Через магарыч. Пошли на озеро.

Педагогическое семейство уезжало раньше нас. В аэропорту, пока бы матушка прощалась с Лино-Ляльками, Дуся отвёл меня в сторонку:

— Слушай, первого у меня хреновый день: линейка, «первый раз—в первый класс» и прочая хрентипопина. Второе—суббота, пьянка педагогического состава. Появляясь в воскресенье, утречком. Мой пионервожатый, кахетинец из Гурджаани, чачу гонит... слеза девственницы, а повар в нашей столовке такое хаши варганит... Жду.

Диорама

Не найти было в Тифлисе приличного дома, в котором на стене в гостиной не висело бы—нет, не ружьё,—гитара с пышным бантом, повязанным на шейке грифа.

— «Битлы» клёво играют!

— А мы чем хуже?..

Идея на какое-то время зависла в воздухе, созрела и обрела форму: в один пригожий день

мы — полдюжины «оторванных» — сбегали после уроков за семейными гитарами, заперлись в актовом зале и забренчали в унисон. Разучивали, как это и было в те дни заведено, пронзительный дилановский «Блюз восходящего солнца» (The House of the Rising Sun). Получилось ужасно — не в унисон и дребезжало на разные лады. Несмотря на неудачный дебют, «репетиции» продолжили, однако энтузиазм исполнителей ослабевал от раза к разу, появились отказники: через две недели секстет усох до дуэта — остались я да Папшульц.

— Что, так и будем вдвоём бренчать? — поинтересовался мой напарник.

— Барабанщик нужен, — осмыслил я, — без ритм-секции ни хрена не получится. Давай Осетинского рекрутируем, у них, у осетин, синкопы и триоли в крови, по наследству передаются.

Осетинский загорелся, побежал клянчить у родителя инструмент. Купили ему пионерский барабан и к нему щётки — застучал чувак дорогого, куда там неумёхе Ринго...

Сладились втроём, вразумительный строй образовался, однако старорежимные наши с Папшульцем семиструнки сводили на нет все старания — требовался полноценный «электрический» звук.

В розничной продаже электрогитар тогда ещё не было — товарищ Суслов рассудил, что советский рок должна исполнять исключительно идеологически подкованная молодёжь, посему музыкальные инструменты, сплошь зарубежного (братские соцстраны старались) изготовления, распределялись за безналичный расчёт по филармоническим учреждениям, вузам и «проверенным» Домам культуры, и то под строгий надзор местных партийных ячеек. Пренебрегавший идеологией пипл перебивался кустарщиной: выпиливали цельные рогатые гитарные тулова, прилаживали к ним грифы от ленинградских «табуреток». В абсолютном дефиците были звукосниматели, но и с этим разобрались: монтировали на свежеекрашенные «самокастеры» микрофоны от телефонных трубок — страдали городские телефоны-автоматы.

Со звукоусиливающей аппаратурой было проще: ламповые радиоприёмники, магнитолы, магнитофоны в домах были, и их выходной мощности вполне хватало для «квартирников», но — для «большой» сцены самопальные гитары не годились.

Под самые ноябрьские праздники примчался ко мне взбудораженный Папшульц:

— Слух пошёл: в бакинском универмаге немецкие электрогитары выбросили, по сто двадцать пять рублей за штуку...

Сумма по тем времена немалая, просить у родителей я из гордости не стал — загал на полторы сотни губастому Грише годами лелеемый кляссер с отборными марками (и колонии были, и марки Третьего рейха, и марки СССР тридцатых годов),

от сердца оторвал, но — искусство требовало жертв. Папшульц также пошёл на издержки — лишился любимого велосипеда. Собралось у нас три сотни, и отбыл поделщик в столицу братского Азербайджана. На третий день встречал я его на вокзале, и уже через минуту после остановки вагона бережно обнимал отражавший полированными боками солнечные лучи мюзимовский Special — первая моя профессиональная гитара, с которой я неразлучен по сей день.

В тот же день мы опробовали звучание: актовые залы мало-мальски приличных городских школ комплектовались обязательными кинопроекторами, а проекторы те — очень приличными усилителями «ЛОМО Кинап», к которым, в свою очередь, прилагались убойные колонки с мощными басовиками и парой широкополосников каждая. Мы втихаря пробрались в зал, подключили наши «Специалы» к «Кинапу», повернули регулятор громкости до предела и ударили по струнам: окна зала, что называется, вынесло, этажом ниже дремлющий в директорском кресле Фомич чуть было не замарал кальсоны (после его отпаивали валидолом), Цицель с карательным отрядом примчалась в залу и орала что-то, пытаясь перекричать рокот гитар, а мы, в эйфории, не замечали никого и не слышали ничего, кроме божественных обертонов... Больше пятидесяти годков прошло с того дня, а я всё ещё там, на пыльной школьной сцене, и нещадно бью по струнам...

5. Ключ от врат райских

Почув дух весенний —

Почти невыносимый...

Паола Урушадзе

Ближе к выпускным вязкое, как болотная марь, уныние расплозлось по школьным коридорам. Дабы расшевелить бурсаков, мы с Персиком спёрли из учительской классный журнал и затолкали его в очко педагогического клозета. Сверху присыпали дрожжами. Клозет возмутился, школа встала на сутки.

Назавтра, когда стараниями дирекции относительный порядок был восстановлен, в класс ворвалась завучесса (как сейчас помню, шёл урок математики — Пузырёк, радостно всхлипывая, рисовал на доске синусоиду периодической функции), в руке, защищённой позаимствованной с пожарного стенда перчаткой, Цицель сжимала скверно пахнувший, слипшийся страницами ком. — Признавайтесь, варвары: чья работа? Кто посмел? Я ему это по всей морде размажу... Вы двое, за мной!

В учительской томился Багдадский вор. Цицель швырнула осквернённый журнал в мусорную корзину, следом — пожарную рукавицу, подтолкнула вещдоки к ногам завхоза:

— Попробуй высушить, нужно будет как-то переписать...

Распахнула дверь кабинета, тряхнув жидкими кудряшками, указала на проём.

Вошли гуськом: мы впереди, Цицель замыкающей—и прямиком, стерва, к телефону.

Гляжу—мой домашний набирает. Долгие гудки... пронесло: по-видимому, у Акоптровича случился завоз, и матушка отправилась за свежиной.

Следующим был задействован номер Персикова семейства. В ответ из трубки донеслось такое сочное, баритональное: «Вас слушают!»—что мы возликовали.

— Дома,—с облегчением шепнул Персик.

Дядя Миша ворвался в учительскую, как конкистадор в покорённую страну:

— Доколе? До каких пор парочка малолетних негодяев будет нарушать спокойствие этого чертога знаний?

Приложился к Цицелиной ручке, незамедлительно закурил, принялся энергично вышагивать по кабинету, рассыпая окрест столбики пепла.

Цицель, не спуская с гаера жадного взора, усе-лась млеть в кресло, и было ей с чего млеть, ибо дядя Миша был чертовски красив в гневе: обильный телом, горделиво откинута массивная голова, хищно горбоносый, алчущие губы сластолюбца, густая шевелюра переливчато-вороной масти, пушистые усы. Велегласный, щедрый в движениях, он весь сочился неуёмной мужской силой.

А выговор! То бархатисто-вкрадчивый, то набиравший обертоны, опускавшийся чуть ли не до контроктавы, полновесный, доктринально убедительный.

Краснобайствовал дядя Миша с четверть часа. Начал с Павки Корчагина, плавно переключился на молодогвардейцев. После была простреленная каска с проросшей через дырку от пули берёзкой, герои-целинники, приплёл Гагарина. В заключение, ещё раз приложившись к ручке уже почти что оргомнировавшей завучессы, заверил:

— Цисаночка, сердце моё, я в очередной и—даю нерушимое слово—в последний раз принимаю на себя вину этих охломонов. Обязуюсь, коли что-либо подобное повторится, обратиться к решению проблемы со всей возможной строгостью, вплоть до рассмотрения необходимости применения жёстких административных мер!..

На ступенях школы от щедрот дяди Миши закурили.

— Трахнул бы ты её,—попнял Персик спасителю,—нам бы легче жилось.

— Твоя надзирательница, вот ты эту кобылу и трахай!—огрызнулся дядя Миша.—У меня своих страдалиц хватает. И потом, что за дурацкие

забавы: здоровые лошаки—и журнал в сортире утопили? В детство впали? Ваше счастье—я дома оказался. Взял бы трубку Автандил, вы бы сегодня в парке Победы ночевали, в беседке...

— Кстати,—Персик сузил нахальные глазки,—а чего это ты в рабочие часы лоботрясничаете? Никак дежуришь в ночь? А ну гони ключ...

— Хрен тебе, а не ключ, идите вон с первоклашками в салки поиграйте...

— А Автандил вчера сетовал: мол, какая-то сволочь у него из бака бензин сседила,—ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво промолвил Персик.—Застрял на полдороге, бедолага, на службу опоздал...

— И откуда у нас в семье иуда завёлся?—дядя Миша потянул из кармана связку ключей.—Ведь генетически от начала рода-фамилии ни одного стукача, ни одного интригана-начётчика...

Тут надобно ввести в повествование пояснение: дядя Миша являлся счастливым обладателем благоустроенной однокомнатной квартиры, которая имела место буквально в двух шагах от его родового обиталища.

В подсобке, как он её называл, дядя Миша вёл жизнь половую, а столовался и предавался отдохновению у родных пенатов. Человек он был хоть и холерического склада, но в быту до уныния обстоятельный, то есть подсобка была задействована каждый вечер, без выходных, ввиду чего нам с Персиком лишь изредка удавалось абонировать сей чертог наслаждений на сколь-нибудь длительное время. Но его величество Случай—отнюдь не фраер: на жизненном пути полового гиганта внезапно образовались некие метаморфозы, в корне изменившие привычный для него распорядок.

Дядя Миша был доктором, причём доктором хорошим, правда—несколько импульсивным в поступках, что отображал «полярный» послужной его список.

Отучившись в ленинградском меде на лечебном, молодой терапевт взялся за научные штудии, однако кандидатскую защитил почему-то по курортологии.

Воротившись домой, новоиспечённый исследователь некоторое время усмирлял конвульсии паралитиков, помещаемых им в барокамеру Тифлисского бальнеологического института.

Когда эта забава ему наскучила, дядя Миша диаметрально переквалифицировался и поступил патологоанатомом в первую градскую.

Всё бы хорошо, но полюбилось гаеру ежедневно прогуливаться по палатам, наблюдая при жизни тяжёлобольных, которых он после потрошил в прозекторской. Был вычислен кем-то из выживших, и разгорелся скандал. Скандал замяли, дядя Миша уволился и опять сменил квалификацию—попросился в городскую неотложку,

в реанимационную бригаду. Вот тут-то и пришёл на нашу с Персиком улицу праздник: трижды в неделю дядя Миша уходил в ночное, то есть в эти дни подсобка пустовала с шести вечера и до девяти утра...

— Кого вы туда таскаете, — чертыхался дядя Миша, отделяя ключ от связки, — цыганок? К тахте не подойти — убойными духами провоняла...

— Фрейлин датской королевы, — съязвил Персик. — Кто даёт, тех и таскаем!

— За ртутной мазью ко мне будете бегать? И научитесь, в конце-то концов, спирт разводить: одна часть спирта — полторы части воды. Заблюёте ванную — зубными щётками заставлю вычистить...

Тот порхающий над бытом
Город бедных богачей —
Для того, кто его слышит,
Ещё дышит.
Ещё дышит...

Паола Урушадзе

Часть II. Юность

Там киномонтаж всего понемногу...

Виктор Цхварадзе

*И если вы — мир, то тогда мы — приправа
для этого пресного мира!..*

Роберт Рождественский

1. Весенние забавы

*Я ж, на шум и гам
в голове одевший с головоотяпства шоры...*

Виктор Цхварадзе

Нет ничего более скверного, чем курсовая по сопромату погожим майским днём.

С улицы донёсся призывный посвист, я метнулся к окну. Персик при полном параде красовался у подворотни:

— Чувой, сей момент накинь прикид и нарисуйся рядом — Рожа хлеб-соль выставляет!

— Ни в жизнь не поверю, из этого куркуля копейки не выжать, а ты байки мне здесь плетёшь...

— Сказал, одевайся и вытряхайся, нам к шести на их даче должно быть.

У бывшей семинарии повстречали четырёхглазого Татошу:

— Мужики, бегом в девятую, там молодая дура Ноксирон без рецепта отпускает!

Персик скривил губу:

— Фи, калики. Нас нынче с изысканными напитками привлекают...

Уже когда тряслись на жёстком сиденье пригородного «пазика», я попытался учинить допрос с пристрастием:

— Объяснись, наконец: от маменькиного мальчишка кружки пива не дождёшься, что ещё за «изысканные напитки»?

— Терпение! Есть многое на свете, друг Горацио, что и не мнилось нам до сей поры...

Скучавший в стекляшке у ворот милицейский сержант весь встопорчился, узрев нас у турникета: — Куда? Куда, вражки дети?..

Персик ему пухлым пальчиком небрежно так на телефонный аппарат указал:

— Набери-ка там, служивый, две девятки и шестёрку — нас к обеду ждут, припозднились уже...

Мент аж взвыл от возмущения, однако номер набрал, доложил, что двое оборванцев торчат у проходной, отдал трубке честь и, скрежеща зубами, потянул на себя рукоять запора.

Коттедж Рожиного папаша скрывался в глубине территории, так что у обитателей закрытого объекта было время полюбоваться на парочку волосятиков, подметавших широченными слаксами посыпанные толчёной пемзой дорожки.

Рожа встретил нас с ещё более кислой, чем обычно, миной. Персик глянул на панели из цельного дуба, дефицитную юговскую напольную плитку, резные карнизы:

— Справный предбанник, заботится партия о слугах своих. А что здесь? — приоткрыл дверь. — М-да, пердонарий царский, в такую красоту и какнётся постесняешься...

Прошли в гостиную. Возле накрытого стола, подрагивая изрядным брюшком, суетился Рожастарший.

— Добро пожаловать, мои юные друзья, — с явным отвращением глянул на малиновые в зелёную полоску Персиковы штаны, — племя младое, непокорное!..

Закусь впечатляла: икорка, балычок, сырокопчёная колбаска, уже год как пропавший с прилавков швейцарский сыр, ветчинка, исландская селёдка в винном соусе, пикули, спецлимонад, «правительственный» боржомом. Хозяин выставил внушительный пузырь с «побегунчиком» на лейбле:

— Вот, угощайтесь, шотландское, дефицит, так сказать...

Персик просмотрел контрэтикетку:

— Не шотландское, бутилировано в Финляндии. — Что-о? Да я этой стерве сию бутылку в задницу вставляю...

— Ну зачем же? — удивился Персик. — Думаю, работники вашего пищеблока не владеют в должной мере иностранными языками и вряд ли способны разобрататься в подобных тонкостях, — свинтил колпачок, выбрал пузатый бокал, плеснул, отпил, почмокал губами. — Весьма качественный напиток, вставлять подобную прелесть в чьи-либо задницы — расточительство!

— Ну и ладно, не буду вам мешать, у вас свои секреты, а я пойду подремлю у телевизора по-стариковски... — Рожа-старший прямо-таки излучал благодущие.

Происходящее абсолютно не соответствовало традициям чванливого обычно семейства, я был заинтригован донельзя, но, хорошо зная подлую Персикову натуру, без слов занялся закусками.

— Кстати,— Персик запил бутерброд с бальком какваческим глотком финско-шотландского,— просвети папахена на будущее: виски с копчёностями не сочетается, тут у вас сервированная по-французски классическая русская закуска под водочку...

— А мне можно немного? — спросил Рожа.

— Ни в коем случае! — Персик щедро наложил икры на ломоть французской булки. — Ни острого, ни солёного, ни, не дай Боже, алкоголя — строгая диета. Прямо завтра топай на Трипперштрассе, в нии венерологии. Найдёшь там дядю Мишу — уже предупреждён, — он присмотрит.

— Надолго это? — Рожа совсем скис.

— Недельки две, может, три. Не вешай носа: какой боец да не залетал по молодости? Починят, будешь как новый... — Персик перевернул бутылку верх дном. — Сухо, сходи-ка к родителю, пусть в загашнике пошарит.

Рожа вернулся с пузатым фуфырём, на этикетке запряжённый в сани олень:

— Виски больше нет, есть ликёр, тоже финский...

— Сойдёт, — разрешил Персик. — Шоколад в доме имеется? И хорошо бы кофейку. Кстати, папана твой курящий? Стрельни-ка у него чего-нибудь фирменного — не «Приму» же они смоят там, наверху...

Изрядно захмелевшие, обожравшиеся деликатесами, мы брели к проходной.

— Может, объяснишь, наконец, какого чёрта ты Рожу к дяде Мише направил (последний к тому времени вновь переквалифицировался и трудился уже венерологом в амбулатории вышеупомянутого нии)?

— Триппер лечить.

— Да откуда у этого хронического девственника триппер?

— Сам себе придумал.

— С ума я с тобой сойду, роди, наконец!

— Этот негораздок надьсь ко мне подвалил: спасай, мол, погибаю от неудовлетворённых страстей. Ну, я и сводил его к Клеопатре.

— Так мадам Верёвкина вроде себя соблюдает?

— Ну да, только этот клещ таким е...учим оказался — чуть насмерть не задолбал нашу милашку и, видать, перетрудился, вот и решил по неопытности, что нехорошую болезнь подцепил. Дома трагедия, у папани нервический припадок: тебя, мол, на принудление отправят, меня из партии

вычистят, с должности попрут. Надо тайком лечить, а как — не знают. Рожа опять ко мне, в ноги упал: спасай, мол, пропадаю...

Со всего этого кипиша проистекает большая польза: Роже целку поломали — это раз. Дядя Миша пару лишних копеек перехватит — это два. Рожа-старший нам по гроб жизни обязан будет — это три. По «излечении» придурка светит нам грандиозный магарыч — это четыре. Ну и сегодняшний перекусон очень даже недурён был...

Тут мы дошаркали до турникета. Персик сунулся в форточку стекляшки, протянул давешнему, с омерзением разглядывающему нас менту сигарету из экспроприированной пачки:

— На, лишенец, попробуй, что твои хозяева покуривают. А скажи-ка мне, сержант, кто устережёт самих сторожей? Не знаешь? Да и откуда тебе знать, недалёкому?... Значит, так: попрошу при следующем нашем визите исполнять вверенные тебе обязанности сообразно уставу, а то ведь можно и тёплое местечко профукать. Учти: в рядах городской патрульной службы недобор наблюдается...

2. Long live rock'n'roll

Раз — беру на измор...

Виктор Цхварадзе

Навык — действие, сформированное путём повторения, характеризующееся высокой степенью освоения и отсутствием сознательной регуляции и контроля. Согласно общепринятой в психологии классификации различают навыки: двигательный, перцептивный, интеллектуальный...

Большая психологическая энциклопедия

Именно товарищ Сулов, которого советское рок-движение пугало больше, чем прямое вторжение хунвейбинов на Старую площадь, довёл страждущих советских меломанов до освоения навыков, которые можно было характеризовать как «исходно автоматизированные-аналоговые»

Не дошло? Поясню: меломан — существо специфическое, меломан суть наркоман-интеллектуал, наркотиком для него является Музыка, резонированная разными народами в разные эпохи, различная по форме, но всегда, даже в периоды упадка других родов искусства, остающаяся прекрасной, ибо тяга к купному творчеству есть атрибут органически присущей человеку способности развиваться вместе с мирозданием.

Наравне с собственно музыкой меломану необходима и информация о её развитии во времени и пространстве, при отсутствии таковой на него наваливается абстинентный синдром, в сравнении с которым героиновая ломка может показаться лёгким похмельем...

Саму музыку мы худо-бедно добывали, — хоть и окольными путями, но нескончаемым потоком

шли из-за «бугра» и тиражировались на магнитофоны фанатов альбомы самых продвинутых рокеров той поры, а вот с инфой было глухо — словеская гвардия в лице комсомольских аппаратчиков старалась: цензура царила почище «чугунного» устава Николая Павловича. Но власть предпочитает, а меломан — располагает: существовала в то время охватывающая своей заботой одну шестую часть суши организация, называвшаяся «Союз-печать», периодичку распространяла, — и прозевали словеские цензоры оформляемую этой организацией подписку на ежемесячный иллюстрированный журнал «Чешская мелодия» — обстоятельный, как нынче выражаются, дайджест, представлявший читателям самые горячие новости из мира рок-музыки, но... на чешском языке. Так вот, господа-товарищи, — для истинных меломанов не существует языковых преград: слуга ваш покорный подписался на вышеупомянутый журнал, раздобыл академический чешско-русский словарь и занялся составлением и распространением по городу подстрочников публикуемых чехами статей.

Поначалу дело шло со скрипом — язык убивал: у чехов наличествует несметное число способов склонения имён существительных, множество вариантов спряжения форм глаголов настоящего времени, отсутствуют простые прошедшие времена. Кроме того, сбивали с толку смысловозначительные долгие и краткие гласные — естественно, мне было не до фонетики, но эти чёртовые гласные помечались в тексте апострофами, которые полностью меняли смысл слов... в общем, страх Божий. Однако реальный меломан сделан из смеси кремния с титаном: полегоньку дело пошло, а через пару-тройку месяцев я так отсобачил сложившиеся автоматизированные-аналоговые навыки, что дул подстрочники с листа, почти не заглядывая в словарь, хотя, если какой залётный чех вдруг намерился бы заговорить со мной — ни черта бы я не понял, ибо чешская фонетика так и осталась для меня тайной за семью печатями...

Эпизод

На майские мы с Огурцом пожелали развеяться перед сессией, для чего надумали прошвырнуться в Питер. Сказано — сделано: рюкзаки за спину — и на вокзал. В те времена на электричках (народ их «собаками» величал) можно было с пересадками насквозь пронизать одну шестую часть суши от края до края. На дорогу ушло двое суток, естественно — безбилетниками, в том-то и заключался весь шик. Утром третьего дня завалились в обиталище моего друга Бертолета на канале Грибоедова. Только-только чай поспел — звонок в дверь, телеграмма Огурцу: «Советую незамедлительно вернуться домой тчк приезду гарантирую крупные неприятности зпт папа тчк», — а в народе судачили: мол, спецслужбы плохо работают...

Диорама

*Нет больше места, где я бы мог
писать стихи в пыли дорог...*

Персик

*Единственным средством борьбы
с чумой является честность.*

Альбер Камю

Школьное наше трио, отыграв в последний раз на выпускном, разбежалось: Папшульц занялся изучением бухгалтерского дела, Осетинский подался в знахари, остался я в одиночестве — пальцы судорогой сводило, неудовлетворённая тяга к творчеству смущала бытие. Но тут Персик вернулся из Питера — провалил вступительные в мореходку, да на курсе нарисовался Джафо — оторванный басист, и, скентовавшись, незамедлительно влились мы в славную тифлисскую рок-тусовку. Поначалу, как и водилось, квартирники, после — дворные «сейшены». Что особенно воодушевляло — образовалась у нас страсть к сочинительству: популярными хитами брезговали, каверов на великих кроить не пытались — только своё, из головы.

На заяву смастырили убойную композицию «Мы — хиппи», подогнав под размер прозвучавшее тогда как выстрел в упор одноимённое стихотворение Рождественского. Здорово получилось, с драйвом, с разноголосьем — башни у пипла сносило, а после у Персика вдруг прорезался поэтический дар, и чувак принялся фонтанировать текстами прямоком в масть, всё под баллады складывал, с хипповыми заморочками, а мы с Джафо изобретали композиции. Так полегоньку стали обрастать репертуаром, но вновь проблема, сводившая на нет все старания, — инструменты. Мой верный Special, годный для школьной сцены, в новую реальность не вписывался, Джафо вообще терзал струны самоделки, а Персику только и оставалось задавать ритм, прихлопывая в такт ладошками, — цыганщиной наши старания папахивали. Но фортуна сопутствует старателям: для Персика мы раздобыли ручную перкуссию — профессиональный оркестровый бубен со спаренными зиллами, Джафо нарвался в комиссионке на солидный Herrndorf, оставалось мне озаботиться розыском крутой гитары, и с этой целью, поднакопив башлей, отправился я по завершении летней сессии в славный город Львов.

Искомое я обнаружил в «комке» возле площади Мицкевича — Jolana Star цвета спелой вишни: два сингла, пружинная, попёртая чехами у америкосов, тремоло-система, трёхпозиционный селектор. Гитара лёгкая, с приёмистым грифом, звонкая, с чёткой атакой, «цветочным» тембром, — и цена подходила: Львов той поры был недорогим городом.

Покупку требовалось обмыть, и я незамедлительно пригласил милашку-комиссионершу на рюмочку кофе — время подходило к закрытию

магазина, уже через полчаса мы приземлились в уютнейшем кафе «Пид львом». За неспешной беседой было выпито изрядное количество рюмочек, после непонятно как, но мы оказались у меня в номере в «Верховине». Утром разбежались: она — за прилавок, я — в аэропорт (остатных денег как раз хватило на такси).

Аэропорт встретил гробовой тишиной и длинной очереди у здания аэровокзала. Я подобрался к хвосту:

— За чем стоим, граждане?

— За деньгами — возврат билетов, полёты отменены...

— Что так? Война, что ли?

— Хуже. Ты что, газет не читаешь? Вибрион...

— Какой ещё, к чертям, вибрион?..

— Холерный — эпидемия!

Встал и я в очередь, минут через сорок получил в кассе двадцать два рубля сорок копеек: летал я по студбилету, вполцены.

Предстояло как-то выбирать. Рванул на автобусную остановку — и к железнодорожному вокзалу: только и надежда была, что на «собак»...

На вокзале паники не наблюдалось, пригородные ходили; выбрал по карте направление и двинулся с пересадками в сторону Тернополя. За двое суток через Винницу, Черкассы, Днепропетровск добрался до Иловайска. Деньги практически закончились. Обошёл фуры, припаркованные на пустыре у привокзальной площади. Наткнулся на КАМАЗ с нашими номерами — в прицепе барабаны с кабелем, кабина заперта. Заглянул в чайную, гляжу — сидит, уминает харчо горбоносый, явно карталинского³ разлива. Подошёл:

— Кабели твои?

— Мои.

— Домой везёшь?

— Ну а куда же ещё? На краностроительный...

— Возьмёшь в попутчики?

— Конечно! Третий день в дороге, поговорить не с кем. Голодный, небось? Садись. Эй, — подозвал подавальщицу, — неси ещё харчо, да понавари-стее...

Тифлис ошеломил водочным перегаром и чесночным духом — мужская половина воспользовалась случаем, принимала профилактические меры. Кругом обсуждали источники возникновения холеры, вплоть до самых невероятных: мол, очередная турецкая диверсия, спустили, вражи морды, пару покойников по Чороху в море (первые случаи были зафиксированы в Батуми). Изнервничавшаяся матушка, вручив брусок карболового мыла, загнала меня в ванную, гитару реквизировала, заперла в чулан:

— Без должной дезинфекции не получишь!..

Накарболившись, я, дабы не отставать от окружающих, жажнул стакан коньячного спирта, закусил долькой чеснока и завалился спать — сказалось утомление последних, насыщенных приключениями дней...

А холера? — спросите вы. Ну так курортный сезон был в разгаре, она и двинулась вдоль побережья, добралась до Крыма, и здесь её остановили. Из-за обилия отдыхающих закрыли Одессу и Керчь. Попавшим на карантин распоряжением Совмина продлили командировки и отпуска с сохранением зарплаты. Отдельные очаги заразы были обнаружены в Астрахани, в Волгоградской и Саратовской областях и в каспийских портах Дагестана и Азербайджана. К сентябрю всё сдулось. Всего эпидемия унесла около ста жизней — тогдашний Минздрав хорошо умел справляться с подобными проблемами...

3. Наставники

О курсе лекций по белым ночам от поротой горячки...

Виктор Цхварадзе

Пишущие судьбу распорядились так, что мне посчастливилось обучаться инженерному делу в самом конце шестидесятых — начале семидесятых, когда нам преподавала профессура, получившая образование ещё в дореволюционные времена — рафинированная, блестяще эрудированная профессура, которая щедро делилась с нами навыками, преумноженными за годы интеллектуального роста. Более полувека прошло с той поры, но я помню их всех, отчётливо помню — их голоса, интонации, характерные фразы, похвалы, шутки... Это они плечом к плечу возвели наш политех на оставшихся после Гражданской руинах, это их стараниями в нём изначально сложились доверительные, доброжелательные, коллегиальные взаимоотношения преподавателей и студентов, это они заложили нерушимый поведенческий кодекс, который дал первую трещину только после насильственного внедрения в их дружную семью пришлых маргиналов и который нынче растёт в пыль.

Давно уж их нет — более полувека прошло с той поры, но я постоянно ощущаю их присутствие — вот они, рядом: только что Сотеро, как две капли воды схожий с графом Оливаресом кисти Веласкеса, только при жилетке, шелковом галстуке и в испачканном мелом двубортном костюме маренго, подмигнул мне и молвил скабрёзное одностишие на старофранцузском, а Лебедь Датский, беззвучно рассмеявшись, отбранился цитатой из Горация. Знаю — рано или поздно мы все встретимся вновь, там, в обиталище искусного Гефеста...

.....
3. Карталиния (Картли) — регион в Восточной Грузии.

Спартак великоленный

— Философия без диалектики— всё равно что мужчина без пениса: вот вам и Фейербах!.. Сейланов, фальшивый лгун, выйди вон из аудитории! — За что, Спартак Михайлович? Что я сделал? — Родился!

Или в следующую лекцию:

— Метафизика есть инструмент кастрации чистого разума, а Гегель был пустоголовым букварём. Тоже мне— гуманист-общественник...

Спартак терпеть не мог Фейербаха, истово ненавидел Гегеля, терпимо относился к Декарту, уважал Канта, почитал Мамардашвили (впервые я услышал тогда имя неугодного власти мыслителя), с которым состоял в дружбе, и боготворил запрещённого Ницше. Церковь считал зловредной конторой, попов презрительно обзывал некрофагами. Заслышав словосочетание «диалектический материализм», впадал в неумную ярость, при упоминании же материализма исторического мог вступить в рукопашную. Но Гегель оставался главным раздражителем его бытия— чихнув ненароком, раздражался саркастической филиппикой: — Ну-с, является ли сей чих абстрактной идеальностью смены специфической внеположности материальных частей и её отрицания, или это всего лишь механическое колебание газообразной среды, в нашем случае— воздуха, вызванное защитным безусловным рефлексом, обеспечившим удаление из средней раковины моего аристократического обонятельного органа частичек пыли, которыми я надыхался по вине нерадивых наших уборщиц? Шарлатан (Гегель)!

Поговаривали, за диссидентские настроения предоставили некогда Спартаку возможность ознакомиться с интерьерами Оргачальского узилица, однако нашёлся высокопоставленный покровитель, и слегка помятый карбонарий был отторгнут пенитенциарной системой и даже восстановлен в должности доцента кафедры филологии славного нашего политеха.

Был сухощав, аскетичен— пламенеющий взор фанатика, запавшие виски, втрёпанная седая шевелюра, рельефный профиль— холеричен и... добросердечен и отзывчив.

Философию не прогуливали даже самые отпетые— аудитория всегда была забита до предела. Одуревшие от зубодробительной теории упругости и непредсказуемых кунштюков свободно изливающегося водного потока, у Спартака мы отдыхали умом и сердцем.

Собственно, лекции сводились к страстному монологу критика и обличителя господствовавшего тогда на одной шестой части земной суши учения основоположников «нового», как они сами его именовали, материализма:

— Парочка этих мужеложцев предсказывала приход социализма как неизбежный исторический

процесс, и в то же время в целях принудительного обустройства «исторической неизбежности» организовала партию демагогов и приспособленцев— профанаторы, фальсификаторы, охмурители хуже попов, авантюристы, проходимцы, жулики... Этот любитель чужих жён, видите ли, эпохальное открытие совершил: существует, оказывается, разница между себестоимостью товара и его рыночной ценой, и оттого, что он узаконенное естеством человеческим со времён Адама и Евы маржу обозвал прибавочной стоимостью, мы, представьте себе, переместились в новую фазу понимания бытия— аферист!!!

Семестр подходил к концу, мы с чрезвычайным любопытством ожидали логического завершения процесса.

В день экзамена Спартак был сдержан и строг. Велел старосте группы собрать зачётки, сложить их перед ним в алфавитном порядке по убывающей. Начав с верхней, подозвал владельца, вписал в нужную строку жирный тройка, вручил зачётку счастливцу и потянулся за следующей. Всё действие творилось в абсолютной тишине, только чахоточная весенняя муха надрывно зудела, пытаясь пробуровать замызанное оконное стекло. Таракану, который принялся было качать права: мол, у меня одни пятёрки и четвёрки, зачётку испортите,— показал изящный кукиш и нехорошо улыбнулся. Зубрила умолк, ушёл четырёхугольной головой в крепенькие плечи и, прихватив стандартный тройка, слинял.

Я, естественно, был зван к жертвеннику последним. Спартак глянул на драные мои джинсы, на патлатую головушку, рассмеялся и неожиданно нарисовал в зачётке аккуратную пятёрку.

— За что, Спартак Михайлович?— искренне удивился я.

— За то, что родился! Иди уже, нищанец хренов...

Кириша

— Кириак Самсоныч, я ваших студентов маму!.. — Арутюн, ты с ума сошёл! Идёт заседание учёного совета!..

— Нет, Кириак Самсоныч, я с ума не сошёл, учёный совет мне новую резину не купит,— я ваших студентов маму: зеркало сломали, дворники стырили, покрышки порезали...

Дело было в 1970 году, место действия— кабинет директора Института строительной механики и сейсмостойкости Академии наук Грузинской ССР, действительного члена Академии строительства и архитектуры СССР, председателя Международной ассоциации по сейсмостойкому строительству, председателя постоянно действующей секции сейсмического строительства АСИА СССР, почётного профессора Института преднапряжённого железобетона США, академика АН ГССР Кириака Самсоновича Завриева.

Кириак являл собой пережиток существовавшей некогда когорты универсальных инженеров, инженеров, которые ещё не делились на кабинетных сидельцев и практиков, на проектировщиков и производственников: этакий реликт-мультифункционал.

Ученик «самого» Тимошенко (Степан Прокофьевич Тимошенко — в 1913–1914 годах заведующий кафедрой теоретической механики Петербургского института путей сообщения, иностранный член АН СССР, профессор Мичиганского и Стенфордского университетов), ещё в студенчестве (1913 год) опубликовал фундаментальную работу, положившую начало новой, революционной методике расчёта сооружений по предельным состояниям.

С 1923 года — декан строительного отделения политехнического факультета Тбилисского университета, одновременно с двадцать первого по двадцать восьмой год руководил отделом мостов Закавказской железной дороги. В двадцать восьмой при непосредственном участии Кириака был создан Закавказский НИИ сооружений, впоследствии — отнюдь не последний в мировом реестре, авторитетнейший ТНИИСГЭИ (уничтожен младореформаторами в девяностых).

Первый в числе зачинателей Закавказского института инженеров путей сообщения — многопрофильного технического вуза, славившегося после реорганизации в 1930 году высоким просветительским уровнем (с 1956-го — родной мой политех).

В 1941-м возглавил Бюро антисейсмического строительства АН (после завершения Второй мировой трансформировано в Институт строительной механики и сейсмостойкости).

В тридцатых возглавлял группу разработчиков строительных нормативов по Закавказью с учётом сейсмической активности региона.

Внедрил в практику строительства столь привычные сегодняшнему глазу сейсмические железобетонные межэтажные пояса; предварительно напряжённый железобетон; методику расчёта мостовых арок.

В 1936-м, впервые в мировой практике, разработал техническое решение по применению лёгких бетонов для сооружения несущих конструкций. Инновация была принята в дело в процессе строительства Тбилисского цирка (завершено в 1939 году), монументального здания филиала Института марксизма-ленинизма (завершено в 1938 году, демонтировано младореформаторами пару лет тому назад), первой очереди Дома правительства (завершено в 1938 году).

Дворец спорта на Сабуртало — уникальная для начала шестидесятых технология сборки большепролётной купольной оболочки «навесным» (без поддерживающих лесов) способом...

Я ничего не упустил? Ах да: на протяжении десятилетий ни один проект по строительству сооружений, превосходящих размерами коровник,

не подлежал утверждению без экспертизы и визы «завриевского» института; зачастую имели место совсем уже из ряда вон выходящие случаи, когда заседания Госстроя республики проходили в кабинете его директора.

Существовало ещё знаменитое завриевское «нет!», и ежели Кириак выносил подобный вердикт, никакие силы не могли сей вердикт отменить: с высоты своего авторитета и благодаря подкреплённому редким даром «инженерного чутья» колоссальному объёму накопленного знания плевать хотел смотрящий по строительству на чиновников любого уровня — от нашего ЦК и до Москвы.

Показательным в этом аспекте явился факт имевших место жарких прений по поводу высоты проектируемой в постхрущёвские годы Ингульской плотины. Расскажу в подробностях.

Скинувшие с Божьей помощью бесноватого Никиту и возгвадившие страну заговорщики унаследовали от одиозного «реформатора» некоторые нелепые лозунги, в частности: «Догнать и перегнать...» — вот и посыпались на хозяйственников директивы нырять глубже, взлетать выше, осушать водоёмы, разворачивать реки и тому подобное. К середине шестидесятых самым внушительным гидросооружением в мире являлась арочная плотина Вайонт, Италия, высота — 261,6 метра. Москва постановила: утереть итальяшкам нос и запрудить быстротруйную Ингури арочной плотинной высотой в 300 метров!

Некогда славный наш Гидропроект приступил было к составлению проектного задания, но тут Кириак выдал своё фирменное «нет» и показал Москве фигу, ибо произведённый его институтом предварительный расчёт показал: сложенные из мергелистых известняков склоны ингурского каньона не выдержат нагрузки сооружения, предназначенного для сдерживания напора полутора миллиардов кубометров набегающей с заоблачных ледников архаичной Сванетии талой влаги.

Москва встала на дыбки, однако в дуэте с Кириаком выступил блистательный Лебедь Датский (о нём рассказу отдельно), представил свой расчёт последствий прорыва трёхсотметровой плотины, присовокупив описание внештатной ситуации, сложившейся у итальянцев в шестьдесят третьем году (тогда через гребень Вайонта перелилось пятьдесят миллионов кубометров водицы, после чего с десяток нижележащих поселений вместе с жителями просто исчезли).

По прогнозу Лебеда — а прогнозировать подобные катаклизмы он умел крайне убедительно, — вместо Колхидской низменности получили бы мы обширный Колхидский залив, а в турецкий Трабзон прикатил бы от нас нежданчик в виде тридцатиметровой волны...

Москва задумалась. После недолгой паузы пришло новое постановление: хоть бы и на десять

метров, но выше итальянской, даже ценой значительного удорожания строительства...

Так, значит, товарищ Косыгин не станет зажимать расходы? Сделаем! Кириак засучил рукава и засел со своими ребятами за расчёты. В результате известняковые склоны ущелья превратили в искусственную скалу—бурили шурфы двадцатипятиметровой глубины и под давлением нагнетали в дыры раствор на специальном разработанном высокомарочном «ингурском» цементе. В тело плотины вчинили бетонную пробку, на которую и насадили саму арку. В результате аж до 2013 года мы являлись гордыми собственниками самой высокой в мире арочной плотины—271,5 метра (в 2013-м нас обскакали китайцы, заделали три арки высотой соответственно 285, 292 и 305 метров)...

Вот таков был наш гладиатор от строительства. Примечательно, что внешность строптивца никак не соответствовала его бойцовскому характеру: был Кириак миниатюрен, лопоух, голосок имел дребезжащий, отчаянно походил на сельную постаревшего Чебурашку—только глаза отсвечивали серо-стальным упрямым блеском. Статью явно не в отца: племянница Кириака, Мария Онучкова, в воспоминаниях своих рисует Завриева-старшего мужчиной рослым, костистым, громогласным,—но, похоже, с отцовским норомом: вышедший в отставку генералом, полковник Самсон Сергеевич служил начальником полевой службы военно-топографического отдела штаба Кавказского военного округа, участвовал в Кавказской кампании Русско-турецкой войны 1877–1778 годов (Св. Анна III степени с мечами и бантом, Св. Владимир IV степени с мечами и бантом, Св. Станислав II степени с мечами, потомственное дворянство), в Первую мировую—Высочайшее благоволение за ревностную службу и Св. Анна II степени с мечами. Явно не прост был родитель.

Нам Кириак читал курс сопротивления материалов. Читал виртуозно, пытался вдолбить в смурные наши головушки самые сокровенные тайны строительных основ. Худо было то, что и спрашивая с нас академик в присущей ему бескомпромиссной манере: блат, звонки «сверху», просьбы коллег-преподавателей не каналы. Выслушав нерадивца, Кириак говорил «нет» и возвращал зачётку. За «хвост» по сопромату исключали, однако деканат не мог себе позволить терять ежегодно половину личного состава, посему для «завриевских» существовало одно послабление—ведомость весенней сессии не закрывалась до первого сентября.

Первые три «захода» Кириак принимал в политеховской аудитории по расписанию деканата. После, в июле, «хвостовики» исправно посещали необъятных размеров директорский кабинет Института сейсмостойкости—вот тогда-то кто-то из очень уж обозлённых студюзусов и надругался

над служебной «Волгой» мучителя, вызвав справедливым гнев бессменного Арутюна.

В начале августа Кириак уходил в отпуск и перебирался на свою дачу в пригороде; там-то, на тенистой веранде, и разыгрывался последний акт трагифарса. Жалостливая Нина Михайловна—спутница жизни сатрапа—отпаивала чаем поражённых в правах претендентов на заветный трюк и утешала, как могла:

— До сентября ещё целый месяц, Кирюша тоже живой человек, устанет, в конце концов, пожалеет, да и ты, сынок, не будь балбесом, посиди над книжкой, благо Кирюша сам её написал очень доступным языком...

Пристроив тощий зад в уютно проваленном сидении плетёного кресла, откушав переслащённого ежевичного варенья, с чашкой остывающего чая в руке, я, дожидаясь своего черёда, клевал носом в дачной беседке. На веранде Кириак терзал кадыкастого Витю. Пристроившаяся рядком Нина Михайловна жалостливо поглядывала на меня.

— Кирюша, этот кучерявенький уже четвёртый раз приходит, пожалей мальчика...

— Не пожалею...

— Посмотри, у него щёки бледные, круги под глазами—видно, не спал ночью...

— По девкам, наверное, шляется...

Я действительно провёл ночь без сна, только насчёт девок Кириак не угадал: занимался я добычей средств для скорого шल्याния по оным—в компании с Бухгузом и Персиком таскал в Южном парке мешки с армянским цементом, по червонцу за тонну. Уже был отослан в Ялту квартирмейстер, уже пришла от него подтверждающая резервирование койко-мест телеграмма, уже набрана была необходимая для полноценного отдыха сумма, уже вылетали назавтра в Симферополь поделники... оставалось преодолеть единственное препятствие—Кирюшу.

— Кирюша, ну напиши мальчику троечку...

— Не напишу. У него физиономия нахальная, дадут ему диплом—заладится строить. После обвалится то, что он построит, спросят: кто тебя учил? Скажет: Завриев...

В Ялту я прибыл к шапочному разбору. Компаньоны были несказанно рады, ибо успели профукать всю наличность, а я, стараниями Кирочки, был при башлях. Отстегнув голодающим на прокорм, я принялся навёрстывать упущенное. В спешке навёрстывать, ибо уже через неделю надо было возвращаться в цитадель знаний.

Как и предчувствовал Кириак, диплом мне через четыре года выдали. После я успел построить с десяток крупных объектов—стоят, стараниями

покойного строптивца, без единой трещинки, мир праху твоему, великий делатель!

Галактион, он же Лебедь Датский

Гидравлика—техническая механика жидкости.

Политехнический словарь

Галактион (от др.-греч. γάλακτος, γάλα—молоко)— мужское имя древнегреческого происхождения. Значение: «молочный/Млечный Путь, галактика». Gala (молоко) являлось эпитетом Зевса и Аполлона.

Толкователь имён: Галактион открыт окружающему миру. Он честен, обладает острым языком, но не унижает противника. В течение всей жизни стремится к знаниям и склоняет окружающих к тому же...

Вот и получалось, что щедрый, как Аполлон, и суровый, аки Кронион, Лебедь Датский напитоквал нас млеком знания путём приобщения к таинствам технической механики жидкости...

Предстояло нам изучать эту самую жидкостную механику аж три семестра, с экзаменацией по завершении каждого. На первой лекции Галактион декларировал краткую вводную:

— Я намерен ознакомить вас с таким курсом специальной в вашем случае дисциплины, чтобы в результате его изучения некоторые, повторяю—некоторые из вас, получили необходимое развитие, на основании которого они в дальнейшем сумели бы уже самостоятельно разобраться и изучить по возможности любую ранее не рассмотренную проблему, которая может встретиться им в будущей инженерной практике! Хочу отметить, что отдельные разделы моего курса—а он несколько отличается от общепринятого—в свете методики их донесения до ваших пока ещё не окрепших извилин будут носить специфический характер. К примеру, раздел гидростатики будет изложен в приближении к пройденному уже вами курсу теоретической механики, здесь мне представляется рациональным отдавать предпочтение аудиторным практическим занятиям, решая всё более усложняемые задачи при помощи обильного графического их сопровождения...

И понеслось, ибо Галактион был неиссякаем на кунштюки с усложнением задач. Узаконенный Минпросом канонический курс гидравлики Галактион презрительно обзывал «чугаевщиной» (Роман Романович Чугаев—профессор, заслуженный деятель науки и техники, заведующий кафедрой гидравлики и гидроооружений Ленинградского политеха, научный консультант Государственного института гидроооружений, Гидроэнергопроекта, Нижневолгопроекта, Средневолгопроекта и проч., составитель учебника по гидравлике для вузов), автора—мальчишкой (был старше Романа

Романовича на четыре года), при этом состоял с ним в теснейшей дружбе.

В аудитории Галактион творил, импровизировал и явно наслаждался процессом. Невозможно было логически просчитать, какая тема станет предметом очередной его лекции. Расчёт косых прямоугольных водосливов? Или вдруг проблема сопряжения ниспадающей с плотины струи с нижним бьефом? А могло быть и такое: отведённые на лекцию полтора часа посвящались разбору и критике предложенного Иоганном Бернулли двести тридцать лет тому назад уравнения, учитывающего локальные силы инерции жидкости...

Как-то Галактион объявил:

— Наша сегодняшняя тема—определение коэффициента расхода для водослива с широким порогом без бокового сжатия,—и, повернувшись к доске, принялся вычерчивать план нижнего бьефа условного гидроузла.

Зубрила Таракан заметался—Галактион не терпел вопросов в начале лекции—но всё-таки не утерпел:

— Галактион Афанасьевич, чертёж влево развётся или направо? Чтоб знать, как в конспекте расположить...

Лебедь уложил мел на полочку, вытер пальцы тряпочкой, обернулся, развёл руками:

— Ты с ума спятил? Откуда мне знать? Я ведь сейчас и здесь проектирую возможную компоновку узла...

Гидравлику как таковую мы, конечно же, не одолели: за три семестра не то что полный объём этой алхимии—вводную часть как следует размыслить не получится,—но по завершении курса, как и предсказывал Лебедь, некоторые из нас вдруг ощутили прилив инженерной дерзости, желание пробовать на зуб и разжёвывать технические шарады.

С зачётной частью проблем не возникало. Пятёрок Галактион не ставил никому: мол, на «отлично» предмет знаю я один,—«дерзким» выставял четвёрки, всем остальным—тройки, с прибауткой: «Премудрости кирпичной кладки ты и без Бернулли усилишь...»

В юности проходил стажировку в Высшей инженерной школе Нанси. Пребывание в Лотарингии наложило зримый отпечаток на манеры и стиль будущего профессора, им он не изменял и в зрелые годы: свободный крапчатый реглан, берет чуть набекрень, ниспадающие водопадом брюки-вердигри и умопомрачительные галстуки ручной работы, которые Лебедь умел повязывать узлом одновременно чуточку небрежным и в то же время донельзя изящным.

Когда у Галактиона образовывалось «окно», он уединялся на кафедре, за своим столом, и давал волю с недавшему его пристрастию к футурологии—моделировал «волны прорыва» для крупнейших мировых гидроузлов и последствия образования

таковых. Результатами расчётов делился с именитыми зарубежными коллегами, которые незамедлительно отвечали на его послания бурными выражениями восторга либо скептическими отписками,— околотошный наш почтальон, а проживали мы с Лебедем через улицу, постоянно околочивался у его подъезда со связками заказной корреспонденции.

Что касается, казалось бы, абстрактного прозвища— поначалу за неспешную, «плывущую» походку обозвали мы Галактиона Лебедем, а как-то романтик наш Витя обронил ненароком, что в отрешённости своей, отстранённости от суеты мирской походит Галактион на Гамлета, и в одночасье сделался Лебедь Датским.

4. Расист

Город для шухера.

Виктор Цхварадзе

«Перекрёстное спаривание,— заметил Швейк,— это вообще очень интересная вещь. В Праге живёт кельнер-негр по имени Христиан. Его отец был абиссинским королём. Этого короля показывали в цирке на Штванице».

Ярослав Гашик

Огурец категорически не переносил негров, что удивляло, ибо избытка таких в Тифлисе той поры не наблюдалось. На всё про всё проживало в городе двое чернокожих— отец с сыном, пожарники, причём оба коренные, уважаемые горожане. Город даже сложил про них легенду: в 1923 году на Тифлисской кинофабрике режиссёр Иван Перестиани поставил первый советский приключенческий фильм «Красные дьяволята», повествующий о похождениях отпрысков убиенного махновцами пролетария— комсомольца Миши, его сестры Дуныши и их друга— чернокожего правдолюба Тома Джексона (кто помнит— в семидесятых Кеосаян, заменив негра на цыганёнка, снял ремейк кинохита двадцатых). Сценарий фильма изобилует акробатическими эпизодами, посему на главные роли Иван Николаевич пригласил цирковых актёров— Павла Есиковского, Софию Жозеффи и выходца из Марокко Кадора Бен-Салима. Вот последнего тифлисские сочинители и записали в родоначальники династии наших пожарников. Не берусь утверждать, что легенда эта правдоподобна, однако Бен-Салим надолго задержался в Грузии— «Красные дьяволята» сделали столь популярными, что Перестиани с теми же актёрами доснял ещё несколько серий...

Но вернёмся к нашему расисту. Итак, Огурец заочно не терпел негров-чужаков, причём именно негров, к прочим инородцам гаер антагонизма не испытывал, а в начале семидесятых появилось их в городе изрядно, в первую очередь— жаждущих знаний юнцов из стран-сателлитов.

К тому времени, как мы, одолев премудрости сопромата и начертательной геометрии, перевалили на второй курс, первые иноземцы влились в разночинное братство студюзов славного нашего политеха— дюжина партизан-вьетконговцев обоего пола прямо с «тропы Хо Ши Мина» была перенаправлена к нам для обучения мирным профессиям. Вслед за ними потянулась молодежь из Болгарии, Румынии, на подходе были сыновья братских государств Чёрного континента, но тут учебный год завершился— наступила экзаменационная пора.

Закрывал сессию зубодробительный предмет— теория упругости. Огурец, одним из первых преодолевший шпицрутены Миссис Крысис, выдаивал из членов Отчаянного братства взносы на заключительный банкет. В глубине коридора завиднелись малиновые штаны.

— Привет политеху от братского иняза!— Персик сотворил должную изобразить восторг похмельную гримасу.

— Прицельный нюх у тебя,— одобрил Огурец.— Гони пятёрку!

— А чего тут нюхать?— удивился Персик.— Вы что, с последнего экзамена в музей искусств отправитесь? Сомневаюсь. Что касается пятерика— не смешите меня, сэр: откуда у вечного студента деньги?

— Ну да, я и забыл, что ты хронически у нас в гостях... Послушайте,— Огурец обернулся к нам с Витькой (мы били копытами у двери в аудиторию, ожидая своей очереди),— семеро двоих не ждут! Как отплюётесь, валите в «Иверию», а мы пока стол отождём, заказ сделаем...

Компания удалилась.

— Всё выпьют, бл...ди,— вздохнул Витя.— Надо же было уродиться чуть ли не последними с конца алфавита...

Витькины стоны придали мне смелости— я приоткрыл дверь, просунул в щель голову:

— Валентина Васильевна, можно нам с Цхварадзе вне очереди?..

Крысис приспустила очки с острого носика, ласково мне улыбнулась:

— Хочу вам напомнить, что для молодого, развивающегося организма алкоголь— яд! В первую очередь страдает нервная система. Повремените, вас вызовут...

Отплевались. На Земеле выпростались из переполненного автобуса и скорым шагом направились к «Интуристу-2». Ещё на подходе поняли— дело неладно: у ступеней гостиницы Бутхуз играл со стражами правоохранения в игру «отпусти— не пущу», рядом двое легавых пропихивали Огурца в неприметную дверцу, за которой скрывалось хорошо нам знакомое отделение временного

задержания. Ближе к нам, у стекляшки кафе с нелепым названием «Метро», трое опричников вязали Персика. Перемигнувшись, мы с Витей вступили в действие: я врезал носком ботинка в очко выкручивавшему Персикову правую длань мусорку, Витя уронил второго, третий, взывая о помощи, рванул к спасительной дверце. Тут возле нас тормознул полный ментовья «уазик». Персик метнулся к газонам, быстроногий Витя увлёк двоих преследователей в сторону Перовской, я задами прошмыгнул к Кадетскому корпусу, запрыгнул в отходящий троллейбус, сошёл на следующей остановке и принялся искать исправный телефон-автомат. Нашёл, набрал заветный номер, подождал щелчка коммутатора, набрал дополнительный — в трубке раздалось вежливое:

— Вас слушают.

— Игоря Алексеевича, если можно.

— А кто спрашивает?

— Будьте любезны передать: Баадур по неотложному делу.

— Ну? — прорычал после очередного щелчка Гига.

— Мишка и ещё несколько наших в кутузке в «Иверии»...

— А ты, подлец, почему снаружи?

— Я поздно подошёл, даже не знаю, что там стряслось...

— Где ты сейчас?

— На Вере, у редакции.

— Жди на углу Белинского, через пару минут подъеду...

Вскоре подкатила чёрная «Волга» с замысловатой антенной. Взъярённый Гига ткнул пальцем за спину:

— Садись!

— Дядя Гига, мне лучше с вами не ездить...

— Садись, подлец, в порошок сотру! — водителю: — Давай к «Иверии».

У пресловутой дверцы я вновь заартачился:

— Дядь Гига, говорю: мне лучше туда не ходить...

— Мерзавец ты, — глянул на меня с ненавистью, — ладно, жди здесь.

Гига скрылся в ментовской. Минут через пять из-за двери появился Муму с вечной дурацкой улыбкой на физиономии, фингалом под глазом и полуоторванным рукавом рубашки:

— Заходи, Гига зовёт.

Зашёл. Менты выстроились у стенки, стойка — «смирно». Огурец сидит у стола — правое плечо чудовищно распухло. Рядом примостился Бутхуз, перед ним исписанный лист бумаги. В углу Гошар делает вид, будто его здесь нет. Гига, аки тигр, меряет обезьянник широким шагом. Я оглядел опричников: слава Богу, тех, с которыми разбирались мы с Витей, не заметил — по-видимому, успели смениться.

— Ты видел задержание? — напустился на меня Гига.

— Да.

— Который Мишке руку вывихнул?

— Вот этот, сержант, крайний слева.

Гига нехорошо улыбнулся:

— Фамилия? Нашивки себе сам сорвёшь, или продолжим разговор в моём кабинете?

Несчастливого аж зашатало:

— Игорь Алексеевич, да разве я знал?..

— А допустим, это не мой сынок, — с ехидцей понизил голос Гига, — допустим, бесхозный — значит, можно уродовать, калечить? Есть у меня непреодолимое желание всех вас, сволочей, под статью подвести, за превышение. Может, заняться на досуге? Что скажете?.. Ладно, валите отсюда, — это он нам. — Ты, — Бутхузу, — дописывай показания, а вы, — ментам, — поочерёдно мне их завизируете...

Вышли мы наружу: Муму рукав рукой придерживает, Гошар половинки сломанных очков друг к другу примеряет, как бы склеить, — очки дорогие, французские. Тут из-за газонов Персик нарисовался, глядим — Витя топаёт. Я на участников потасовки наехал: мол, расскажете, наконец, с чего кипиш образовался? А то мы с Витей даже и не знаем, за что бились.

Оказалось, как завалили они в обжорку, так и наткнулись на парочку чернокожих, и с ними девица-переводчица из местных, и якобы один из африканцев позволял себе несколько вольное с ней обращение. Огурец, естественно, полез разбираться, получил от негритоса плюху, после чего завязалась свальная драка. Менты, как водится, принялись вязать своих, а гуталины благополучно сбежали. Вот и вся интрига.

Появились Гига, Огурец и Бутхуз, у последнего разодрана штанина, в прорехе видны синяки — ногами били. Гига пообещал Муму:

— Сейчас же позвоню отцу — будет тебе сегодня праздник. Полезай в машину, подлец! — это он уже своему чаду.

Огурец, прежде чем исполнить приказ, сунул мне ком слипшихся денег:

— Держи, пытались отобрать, сволочи, да не вышло...

«Волга» с покалеченным бойцом отъехала.

— Ну что? Так и будем здесь торчать, — поинтересовался Витя, — или всё-таки чего-нибудь выпьем и чем-нибудь закусим?

— Куда в таком виде? — засомневался Муму.

— Слушай, давай я тебе и второй рукав оторву, — предложил Гошар, — хоть симметрия какая образуется...

— Ты что? — невольно отступил Муму. — Меня папаша и за это убьёт, да ещё Гига позвонит ему обещал...

— Можешь пару дней у меня отсидеться, — пожалел страдальца Бутхуз. — Пушай твой сатрап остынет чуток.

— Чуваки, едем на «Буревестник», — предложил я. — Футбола сегодня нет — значит, безлюдье. Посидим у Жорика без всяких негров, вьетнамцев и прочих басурман.

— Верно, — поддержал Вита. — Жорик офигительный чизи-пижи готовит...

У Жорика было пусто, но вкусно пахло домашней кухней.

— Ва! Какие люди! — шеф встретил нас у дверей. — Добро пожаловать, дорогие мои... А что это вы помятые такие? Неприятности? Может, помощь нужна? Одно слово — и старый Жорик полгорода мобилизует...

— С ментами сцепились, — объяснил Бутхуз, — но всё уже образовалось. Жорик, холодное «Кахури» есть? Жажда замучила.

— Ва, мусора уже на порядочных людей кидаются? — Жорик открыл дверцу холодильника, принялся выгружать бутылки с нектаром. — Что, беспредел настал? Эй, Софико, иди сюда и иголку с нитками прихвати. Сержик-джан, снимай рубашку — Софико рукав обратно пришёт. Ребята, не обижайтесь — в кабинете уже стол накрыт, придётесь вам здесь приземлиться, или, если хотите, в беседке вас посажу.

— А кто кабинет заказал? — Бутхуз стянул с подноса краснобокую редиску, укусил хрустко. — Что за масти?

— В окошко посмотри, — Жорик взялся за пробочник. — Видишь, на запасном поле чёрные мужики разминаются? Сборная Камеруна по регби: у наших с ними завтра товарищеская встреча...

Диорама

Как докатился до величия?

Не спеша, шаг за шагом.

Виктор Цхварадзе

Ничуть не сомневаюсь, что самым безмятежным из сословий человеческих являлись студиозусы всех времён и народов. Уверен: даже ученики прославленного гимназия (Платон), занятые упорными поисками единого и всеобщего многообразия явлений, находили толику времени, дабы смочить горло глотком пенистого хиосского в обществе просвещённых гетер. Вот и мы, понимая, что лучшей поры, чем развесёлое школярство, в будущей жизни не предвидится, мало интересовались делами правителей наших — всё больше занимали нас поиски пивнужек с неразбавленным бочковым да патронаж «гнездилищ» смазливых, сговорчивых гризеток, но, вернувшись после насыщенного летнего времяпрепровождения в прохладные аудитории родного политеха, ощутили: что-то изменилось, и явно не в лучшую сторону. Первым учуял лажу Огурец, которому буфетчик «нашего» шалмана предложил подозрительный

«бартер» — запечатанный пузырь трёхзвёздочного в обмен на три пустые бутылки из-под него же, но — с неповреждёнными этикетками. Смущала также толкотня у деканатов чужеродных мужиков, смахивающих на сельских лабазников без признаков хотя бы и начальной аккультурации, — представлялись ассистентами и даже иногда младшими преподами. Внезапно сменили ректора: маститого гидростроителя, академика заменили на пробившегося в профессуру матёрого политработника. Объявился слушок, что на некоторых кафедрах с нерадивых «хвостовиков» вместо «борзых щенков» стали принимать наличку...

Брежнев стремился к единовластию: в мае семьдесят второго с его подачи тяжеловеса Петра Шелеста освободили от обязанностей первого секретаря цк Украины. В сентябре того же года первый секретарь цк Грузии Мжаванадзе, лишившись поддержки свояка — опального Шелеста, отправлен был на пенсию: основанием послужил собранный тогдашним министром внутренних дел республики Эдуардом Шеварнадзе компромат, обвинявший Мжаванадзе в «крышевании» подпольных цехов. Шелеста добились в апреле семьдесят третьего, вывели из состава Политбюро, на его место продвинули Андропова — карельскому «главпартизану» за неочевидную помощь в порче Шелепина покровительствовал сам Брежнев. В то же время на руках у Леонида Ильича для командира Лубянки имелся и «строгий ошейник» — наказания бывшего хозяина Карелии Куприянова, живописующие усердное участие Андропова в расстрельном «Ленинградском деле».

При новом «звёздном» статусе шефа Лубянка, потеснив Смирнова с его Агитпропом, занялась моделированием идеологического облика общества, подкармливая заодно унаследованного от Никиты монстра — коррупцию: подконтрольный жулик есть верный холоп, плюс сами силовики обустроивали для себя кормушки на старость.

Шеви идеально вписался в новый уклад — чувствовал себя аки рыбка в пруду. Первым делом затеял показную кампанию по борьбе с мздоимцами и теневиками, одновременно бывший лидер кутаисских комсомольцев-аппаратчиков их же и потянул за собой в столицу, на хлебные места. А они, изголодавшиеся на копеечных окладах, дорвавшись, с лёгкостью принялись удовлетворять компенсаторный голод, да с такой истовостью, что только и слышен был хруст костей пожираемых предшественников. В считанные месяцы в патриархальной Грузии сложилось хищническое общество: образованный, честный человек, из-за обострённого чувства собственного достоинства не желавший иметь дело с «новой» номенклатурой и предпочитавший содержать себя своим трудом,

оказался в нижнем сегменте общественной пирамиды; мало того — для зажавшейся маргинальной верхушки он представлялся олицетворением глупости, посмешищем.

В Москве у Шеви объявился покровитель — Щёлоков; злые языки поговаривали: равнодушен был всеильный министр к антикварным цацкам. Поговаривали ещё, что и Галина Леонидовна не брезговала подношениями из-за Кавказского хребта...

У нас авторитет власти в глазах народа упал до нуля, ибо верховодил на нашей земле перевёртыш, фальшивка, вылизывавший высокопоставленные московские задницы и вымещавший горечь унижения на не продавшихся ему согражданах, а в Грузии издревле глубоко укоренилась традиция: пост, должность, социальная роль — персонифицированы!

Ситуацией в республике озаботились Суслов и Громько, потребовали у Брежнева сменить Шеви, но Генеральный принял компромиссное решение: сменил второго секретаря ЦК (как правило, вторыми секретарями в союзных республиках назначались ставленники Москвы), послал к Шеви матёрого производственника, «человека будущего», как его называли за глаза, работягу, бессребреника — Геннадия Колбина⁴. Шеви притих, прошли чистки, откровенных воров с высоких должностей удалили, кое-кого загнали на цугундер, партноменклатура затаилась, в забегах перестали предлагать палёный коньяк в обмен на пустую тару...

В суматохе событий меня вдруг попёрли из влксм: «за прошлые грехи» — как пояснил гнидистый комсорг факультета. Распровавшись с комсомолом, я отвесил прощальный поклон и военной кафедре: идеологически ненадёжный элемент недостойн был звания советского офицера, — обстоятельство, послужившее причиной первой встряски на извилистой в дальнейшем дорожке моей счастливой судьбы...

5. Хрусталь

*Не рвутся джинсы третий год,
семь раз отмеренные на изломе...*

Виктор Цхварадзе

В перестройку появились джинсы «нетрадиционной» расцветки; поговаривали, это увлечённый дизайнерскими изысканиями Кельвин Кляйн опозил каноническую одежду хиппи, а за ним и прочие законодатели моды втянулись в эксперимент.

А вот фигушки! Не хулиган от портняжного промысла из Бронкса, и не в восьмидесятых, а мы с Комиссаром, и в семьдесят втором году, запустили

в обиход коричневые «Ливайсы», отчего у тифлисского бомонда той поры чуть было коллективный родимчик не приключился.

А дело было так. «Настоящие» джинсы являлись в ту пору сверхдефицитом, ибо доминошник Суслов опасался лейбла Wrangler пуще, чем легализации в Союзе издательства «Посев», — амеровские штаны были под негласным запретом, а для удовлетворения жаждущей обладать модным прикидом молодежи Госторг вагонами поставлял на наши просторы суррогат — джинсы индийского, болгарского, польского пошива, однако правильные гаеры такой лажей брезговали.

Выручали спекулянты — за «штатские» штаны драли месячную зарплату инженера средней руки, но стоики и с этим справлялись — разгружать вагоны с цементом в Южном парке нам никто не запрещал. Проблема усугубилась с приходом во власть недоброй памяти Седого Лиса (Эдуарда свет Амбросича имею в виду), ибо фарцу у нас как волной смыло, даже гнездо дефицита — село Сурами — замкнулось на все замки: барыги предпочли затаиться на время, чтобы не водить дела с озверевшей по отмашке нового хозяина ментурой.

Оставалось два пути. Первый — лететь на Львовщину, там, на Дрогобычской толкучке, можно было добыть «Ливайсы» по цене гуся средней упитанности; либо второй — катить в портовые Сочи или близлежащий Поти: прикупленные через морячков в магазине Торгмортранса на приобретённые у них же по чирку за инвалютный рубль чеки Внешторгбанка (в обиходе — боны) штаны влетали в стольник, — но в Поти препятствием служила всесоюзная Малтаквинская турбаза, вернее, отдохавшие в этом райском уголке представительницы братских народов Страны Советов, запечённая в ореховых листьях молодая кефаль и розовое «Абрау-Дюрсо» на морвокзале. Как правило, возвращались восвояси без обновки в плацкартном вагоне, а иногда и автостопом.

В Сочи сразу же по приезде соблазнял прохладным залом ресторан старого «Интуриста», и там же обычно обретались отзывчивые нимфы с Бытхи. Приобретение штанов откладывалось «на завтра», а послезавтра наличных денег хватало только лишь на короткую депешу в семью: «Вышлите главпочтамт пятьдесят зпт голодаю тчк»...

Нежданно-негаданно образовался третий вариант, и звался он — Хрусталь.

Сашка Хрусталёв был гением, гением кроя, даже Котик из военного ателье, даже Додик из Дома моделей смотрелись перед ним нерадивыми подмастерьями.

Хрусталь не снимал мерку: глянув метким глазом на очередного клиента, забирал отрез, пятнадцать рублей денег и отмечал в потрёпанной

4. Геннадий Васильевич Колбин — второй секретарь ЦК Грузии в 1975–1983 гг.

амбарной книге желаемый фасон штанов рядом с именем будущего владельца. Отпускал готовое изделие без примерки, причём история не знала случая возврата грузеров с претензией. Вот таков был мастер Сашка, про которого город сложил легенду, что являлся он отпрыском того самого, любимца Сталина, полковника Хрусталёва, после смерти которого осиротевшая семья якобы переехала в Тифлис.

Служил Хрусталь в зачуханном ателье индпошива второй руки на Колхозной, директор которого на него молился, ибо не оскудевал поток страждущих, ломившихся к умельцу на приём.

Хрусталь один к одному кроил самые востребованные модели джинсов, мало того — у него имелись и медные заклёпки, и «фирменные» молнии: по слухам, снабжали его дефицитом цеховики из Одессы. Единственным тонким местом в налаженном производстве являлось отсутствие в обозримом пространстве генуэзской бумаги диагонального переплетения цвета индиго — так стандартизируется традиционная джинсовая ткань «Деним».

Заказчики таскали Хрусталю крашенный индийский джут, конопляную мешковину, рогожу... Хрусталь шил, но результат был, мягко говоря, неудовлетворительным — штаны не «стояли», как это им было положено по ранжиру, а обвисали уродливыми пузырями.

И тут Комиссар, проныра наш неугомонный, разнюхал через знакомого товароведа, что на складах Военторга бог знает с какой поры пылятся рулоны так называемой плащ-палаточной ткани. Мы незамедлительно рванули куда-то к чёрту на кулички, за околицу Алексеевки, на зады аэропорта, и там скучающий в полупустом ангаре с неликвидом завскладом явил нам вожделенные штуки прочнейшей нестигаемой ткани диагонального переплетения... цвета свежесваренного кофе.

— Ну и что? — возбудился Комиссар. — Фраера пусть ходят в синих портках, а мы запустим новый пункт — джинсы «Эспрессо»! Почём метр, хозяин? — По рублю с полтиной... — Заверните шесть, — и протянул кладовщику червонец. — Сдачи не надо!

Хрусталь аж рот разинул, когда вручили мы ему свёрнутый рулоном (складывать упрямую ткань никак не получалось) отрез:

— Где взяли, бл...ди?

— Ш-ш-ш! В Военторге. Только условие: месяц — молчок, после сопроводим в закрома.

Хрусталь развернул скатку, встряхнул:

— За наводку пошив бесплатный, фурнитура — люкс! Шесть метров выгорите? По штуке пятьсот первых и по штуке двадцать пятых каждому, клешá за предел?

— За самый!

Минуло два дня. Мы с Комиссаром нарисовались на плешке перед политехом в обновках. Пипл сдох. Пипл взвыл:

— Откуда?!!

— Через месяц узнаете, — многозначительно отрезал Комиссар, и мы прошествовали в аудиторию.

Штаны получились изумительные: тем же летом в Пицунде, заявившись на пляж, я стащил с себя «двадцать пятые» и, поставив их на песочек, улёгся в отбрасываемой чудо-одежкой тени. Единственное — передвигаться в плащ-палаточных портках приходилось враскорячку, сдвигать ноги при ходьбе упорная ткань ни в какую не позволяла. Пришлось отрабатывать особую походку — шагать не спеша, чуть раскачиваясь и пришаркивая, в общем — «тянуть волокушу»...

Хрусталь знатно наварил на новации: к осени полгорода шастало в коричневых штанах, — и навсегда слинял в Москву, где следы его затерялись. А вы говорите — Кельвин Кляйн...

6. Про кино

На месте фойе кинотеатра с гулькин нос.

Виктор Цхварадзе

В той, прошлой, жизни в каждом крупном городе необъятной страны существовал кинотеатр, в котором круглый год крутили трофейные фильмы. Мои ровесники живо вспомнят: «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты», «Сестра его дворецкого», «Тётушка Чарлея», «Путешествие будет опасным», первый «Кинг-Конг» тридцать третьего года, «Три мушкетёра» («...Поехал на свидание парень на осле, прелестное создание ждало на селе...»), множество короткометражек с Чарли Чаплином, Бастером Китом, Гарольдом Ллойдом и, конечно же, незабываемый Джонни Вайсмюллер в роли Тарзана.

В сети я наткнулся на заумь некоей барышни из «новых», которая втолковывала восторженной аудитории: захваченные фильмы к показу широким слоям советской общественности не предназначались, это партийная верхушка втихаря наслаждалась западным искусством, однако Сталину нужно было изготовить атомную бомбу, а денег не хватало, вот он и распорядился снять запрет, чтобы с кассовых сборов наскрести недостающее!

Угрантоедов с воображением всегда было плохо, да и темы уже поисчерпались — на Катюнь и миллионные жертвы режима пресыщенный охлос реагирует вяло, приходится выкручиваться, пользуясь совсем уж абсурдными байками, — ну, бог с ними, с ущербными, не о них речь: трофейные ленты были добыты после взятия Берлина — вывезли фактически весь «госфильмофонд» рейха. Пара годков ушла на отбор и перевод самых кассовых, изготовление для них субтитров, тиражирование,

после фильма пошли по всей стране. Большое количество запустили в прокат с оригинальными звуковыми дорожками — под закадровый перевод вживую.

Вплоть до середины пятидесятых фильмы крутили повсеместно, после петлюровец Никита их запретил, а как хряка скинули, ленты вновь вернули, но конкурировать с нахлынувшим потоком послевоенного западного кино они уже не могли, посему власти распорядились ориентировать на их показ отдельные кинотеатры «второй руки».

У нас «трофейку» крутили в Александровском саду — киношка «Экран»; когда «Экран» разрушили, фильмы показывали на вднх — кинотеатр «Космос» — и в «Газапхули» на Сабуртало, — нам, студиям политеха, одинаково удобно было, сбежав с лекций, добираться в оба конца.

Поначалу приоритетным для нас был сабурталинский кинозал, ибо в двух шагах от него присутствовал павильон с различным пивом и знаменитыми сосисками «щелкунчиками» (ჭვჭვჭი), однако спустя какое-то время отказались мы от удовлетворения снедавшей нас киномании под хруст продукции Вакийского мясокомбината в пользу вднховского иллюзиона, который имел свою изюминку — синхронный перевод недублированных фильмов.

Не подумайте, что соблазнила нас возможность пополнения словарного запаса аглицкого языка, — отнюдь: привлекало нас дополнительное, а может статься, уже и главное удовольствие — наслаждаться фортелями переводчика-синхрониста, ибо таковым являлся великолепный Плейбой-Лёня, упокой Господь его мятежную душу.

В городе Лёня был популярен. Скажу больше — город Лёней гордился, ибо трудно было найти в многоликой тифлисской тусовке второго такого оригинала: непрекаемый авторитет в вопросах «штатского» прикида, законодатель поведенческих стандартов, злоречивый остро слов, зачинатель самых невероятных кунштюков — бесспорный лидер нашей «золотой молодёжи» начала семидесятых.

И ещё город недоумевал: один из лучших синхронистов, отказавшись от вакансий, предложенных весьма престижными учреждениями, нанялся переводчиком в окраинную киношку, на грошовую зарплату, — но в этом-то и был весь Лёня — не признававший узды «свободный художник»...

По завершении первого сеанса, то есть где-то к полудню, Лёня, ощущавший после непрерывного двухчасового трёпа лёгкую сухость в горле, умащал оное бокалом-другим чешского «Праздроя» в выставочном буфете.

К следующему сеансу уже подуставший синхронист поправлялся граммулькой «кввк».

А ежели третий показ предвляли выплывавшие из суфлёрского окошка и клубящиеся в луче

проектора густые завитки табачного дыма, это означало, что очередную порцию бодрящего нектара Лёня принял с «прицепом», и в зависимости от того, что в этот раз выполняло роль этого самого «прицепа» — коньяк или хлебное вино, Лёня выстраивал акценты уже отнюдь не синхронного перевода...

Как вам, к примеру, такое? Восседающий на верхушке Эмпайр-стейт-билдинг, сокрушающий обстреливающие его аэропланы Кинг-Конг рычит: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь! Даёшь распределение прибавочной стоимости по справедливости!» И уже через минуту заваривший всю кашу, алчущий прибыли Дэнхем вдруг переводопитывается и, стоя у тела поверженного чудовища, призывает прогрессивные силы сплотиться в борьбе с гидрой империализма...

Или — после четвертинки «Столичной» — внезапное перерождение доктора Ливиса в перевёртыша-душегуба, а одноногого Сильвера — в декласированного гуманиста...

Стоит добавить: за неполные два года, что Лёня проработал переводчиком кино, в его импровизациях мы не выявили ни одного повтора.

Увы, невинным шалостям рано или поздно приходит конец: неожиданно-негаданно в город на трёх фольксвагенах-«жуках» прикатила сопровождаемая шлейфом разномастных бдительных товарищей дюжина самых настоящих американских хиппи-пацифистов. Город встал на уши: шутка ли — бродят по улицам примочками обвешанные волостатики, козу из пальцев складывают, с каждым встречным братаются, «Стоп Вьетнам вор» скандируют.

Мы с Персиком умудрились одного из сопровождающих товарищей, самого истерзанного службой, в забегаловку на Песках затащить, так он после первого стакана чуть слезой не захлебнулся: от самой, мол, финской границы за ними тасимся, третий месяц уже, куда их отсюда чёрт понесёт, не ведаем — говорят, до Камчатки намерены переть своим ходом...

Естественно, приставили к хиппарям переводчиков, естественно — самых лучших, предварительно осуществив тщательный инструктаж в известном здании на Дзержинского.

И, естественно, среди переводчиков оказался Лёня, который незамедлительно отобрал среди гостей самую справную деваху, усадил её в свой «жигулёнок» и умыкнул в неизвестном направлении.

Вот тогда на уши встала уже тифлисская «Контора», и в городе начался форменный кипиш, который длился три дня и три ночи. А после Лёнин автомобиль объявился на стоянке возле «Интуриста», из него выбралась довольная, как слониха, герла, влепила гаеру на прощанье страстный поцелуй и удалилась в номера...

На следующий день пацифисты, держа курс на Красный мост, укатали. За ними потянулся караван транспортных средств озверевших особи́стов. А Лёню выперли с работы чуть ли не с «волчьим билетом» и долго после таскали на Дзержинку...

Спустя ещё какое-то время Лёня умер от порока сердца. Хоронили его всем городом. вДнховская киношка зачала, ибо в переводчицы определили гнусавую, лишённую толики воображения тётку, которая стараниями своими в считанные минуты нагоняла на зрителей глухую тоску...

7. О пользе наглядной агитации

Стоит ребёнку научиться ходить и читать по складам — и он уже отдан на произвол любой скверно вымощенной улице, товару любого торговца, который чёрт знает почему метнулся на книги.

Элиас Канетти

Наглядная агитация — вид средств агитации, состоящий из печатной, реже — рисованной продукции.

Юридический словарь

В далёком «социалистическом вчера» толковые книжки приходилось добывать у барыг, подписки на многотомники и вожде́ленную «Иностранку» — через допущенных к лимитам чинуш, стародавние издания — у алчных букинистов. Однако слуга ваш покорный не брезговал и «щедротами» Книготорга, ибо скооперировавшись с перекупщиками жулики-товароведы избытком интеллекта обычно не отличались и, изымая из легального оборота ходовой товар, порой пропускали на прилавки вполне годное чтиво.

Году этак в семидесятом (прошлого века, естественно), разгребая пласты разложенной на прилавке политеховской книжной лавки «макулатуры», наткнулся я на книжку в мягкой обложке: Алехо Карпентьер — имя мне незнакомое, что удивило, ибо читателем я себя мнил уже тёртым — «Потерянные следы». Роман. Издательство «Прогресс». Заглянул в предисловие: «...прогрессивный кубинский писатель, атташе по культуре посольства Кубы в Париже». С творчеством Хосе Марти я знаком ещё не был, «Сон кубинских негров» Гарсиа Лорки, как и творчество самого «кубинского негра»⁵, хоть и сталинского лауреата, позитивных эмоций не вызывали; Куба ассоциировалась с весьма романтической, но отнюдь не поэтичной фигурой сурового команданте, так что вожде́ления обладать вышеназванным романом я не ощутил, но — смутила обложка, вернее, оформление оной: стилизованное под гравюру чёрно-белое изображение пышной флоры, сквозь листву которой проглядывали обнажённые округлости не менее пышнотелой фемины... Визуал победил, и, набрав в тощем студенческом

кармане что-то около двух рублей мелочью, направился я к кассе.

Шедевр великолепного Алехо Карпентьера-и-Вальмонт я «проглотил» за ночь, при этом после первых же страниц визуал уступил позицию дискрету. Проза кубинца действовала на молодые извилины как выдержанное вино: обволакивала сознание, рассеивала мысли, одновременно возбуждала — Карпентьер оказалась гиперэротичен каждой фразой, каждой строкой, каждым абзацем. Что добавить? К утру середьш мой был раздавлен, уничтожен; отдышавшись, мне пришлось сызнова начинать его построение, и только отошёл я от потрясения, почтальон принёс свежий номер «Иностранки», в оглавлении среди прочего значилось: Габриэль Гарсиа Маркес, «Сто лет одиночества»...

Не скажу, что магический реализм являлся для меня тогдашнего новым блюдом: пятитомник Гоголя был зачитан до дыр, да и с кудесником Гофманом состоял я в близком знакомстве. Уже ходили по рукам «продвинутой» молодёжи альбомы репродукций Дали, уже издавали — хоть и с опаской — отдельные рассказы Кафки, но кружевные, барочные и одновременно жёсткие, как выстрелы, словеса латиноамериканцев смущали неокрепшую мою душу сильнее самой изысканной наркоты. Началось медленное погружение в бездонный омут: романтик-некрофил Хуан Рульфо; волюнтарист Фуэнтес; до боли пронзительный Отеро Сильва; сулящий неожиданные открытия, утончённо-развратный Варгас Льоса; буднично-мистичный Бийо Касарес; изыщно заумствующий, беспощадный Кортасар; ожививший тени прашуров Астуриас; воинствующий бунтарь Сабато и ещё многоликая когорта полнокровных, жаждущих титанических страстей и напитывавших пьянящим словом, поспешавших жить и создавать новый, дерзкий уклад этой жизни творцов и колоссальный массив их поэзии — от непонятого пока ещё, опередившего бег времени Рубена Дарио и до преисполненного горечью всезнания Пабло Неруды, — и, наконец, разгадавший все тайны мироздания и оттого бесконечно печальный Борхес... Омут этот алчен, он не отдаёт утопленников, ибо он же для них и пожизненный лицей строжайших правил обучения и последующего служения ему же...

В завершение сего путаного текста — ремарка, позаимствованная у последнего мечтателя современности: «Единственное, что надо делать писателям, которые считают себя членами „мафии“ магического реализма, — это просто верить в реальность, не пытаясь её объяснить. Пусть её объясняют критики, учёные, социологи и кто там ещё...» — Габриэль Хосе де ла Конкордиа Гарсиа Маркес (Габо).

.....

5. Кубинский негр — Николас Гильен.

Ретроспекция

Прощай, политех,— вот и завершилось пятилетка нашего с тобой симбиоза, спасибо тебе за распахнутые перед нами двери кладовых, забитых до отказа самым ценным товаром— знанием! На моём рабочем столе— коленкоровые корочки: «Настоящий диплом выдан... в 1974 году окончил полный курс названного института по специальности „Гидротехническое строительство речных сооружений и гидроэлектростанций“... решением государственной экзаменационной комиссии присвоена квалификация инженера-гидротехника»... На подоконнике воробьи сражаются за горстку хлебных крошек, слышен скрип колёс старой, разболтанной тележки, хриплой, прокуренной глоткой вещает Вечный Гарик: «Налетай, народ! *Перажки шурум-бурум Штирлиц—фирма Александр Македонский*»...

Часть III.

Мои университеты

.....

*Будем петь и плясать, ибо терять нам нечего,
а патрицим тем временем, за занавесями,
скрывающимися их понурые головы, пусть
проигрывают в карты дворцы и любовники.*

Алоизиус Бертран

Эпизод

В семьдесят пятом, когда меня в солдатики забрили, в конце этапа конфуз образовался: везли нас «железкой» на Баку, далее паромом через Каспий, опять «железкой» по Туркмении— и на Таджикистан. В Бухаре предстояла пересадка— полный световой день ожидания. А случилось так, что совпало с днём моего рождения— двадцать три годика стукнуло.

В дороге я скентовался с тройкой правильных гаеров (пребывал в их числе и будущий министр иностранных дел будущей «независимой Абхазии»), вот и говорю чувакам:

— Бёрсей, други, надо бы отметить в относительно комфортной обстановке...

Сопровождающий в чине капитана казался нормальным мужиком, да ещё мы его с самого начала этапа уважили, посему подошли, объяснили: так, мол, и так— юбилей, едрёнть!

Отпустил, со словами:

— Мне до фонаря: не вернётесь к поезду— объявлю дезертирами...

В тогдашней Бухаре существовала очень интересная структура службы быта: что ни памятник старины— внутри либо баня, либо бордель, либо забегаловка. Набрили мы на роскошный храм времён Тимура-хромца, в котором вышеназванные заведения были заботливо скомпонованы в одно целое, и приземлились...

Дабы не затягивать повествование, не стану вдаваться в детали предоставленного нам сервиса, отмечу только, что любой оторванный «семи-десятиник» доподлинно знал: самая злая конопля произрастает на западных склонах Памира, ну а от Бухары до Каршей доплонуть можно было...

Поспели мы аккурат к отбытию— отдохнувшие, слегка ослабленные. У будущего премьера абхазского здорovenный шмат анаши в кармане.

Далее к пассажирскому составу прицепили три раздолбанных плацкартных вагона: перекличка, погрузка— тронулись. Одуревшие после таборования на жаркой привокзальной площади рекруты повалились на лавки— Гипнос воцарился под стук вагонных колёс.

Лянул я сквозь торчавшие из оконной рамы осколки стекла на серебрившиеся под зыбким светом ночного светила пески Кызылкума, разобрала меня тоска неземная, и, вытянув из рюкзака пачку «Беломора», разбудил я будущего абхазского сепаратиста. Вскорости поплыли по вагону клубы сизого пахучего марева. То тут, то там приподнимались над лежаками заспанные физиономии— приняховивались, хищно раздувая ноздри...

Часть располагалась непосредственно за оградой парка Железнодорожников— до вокзала пять минут неспешной ходьбы. Встречать пополнение подрёбсь чуть ли не весь командный состав полка. Лейтёхи со свиты сопровождающего выгнали из вагонов табунки новобранцев, растянули цепью по платформе. Стропило неспешным шагом двинулся вдоль строя. Правый фланг— хмурые спросонок, но относительно справные. Центр тоже ничего себе. А вот левый фланг...

— Шах, пере...б твою мать!— вызверился командир полка на экспедитора.— В Бухаре отлучки с бана были? Караульный взвод сюда! Под конвой этих пидоров, обшмонать и запереть в клубе, пока не очухаются!..

Так я сразу же по прибытии ознакомился с участком идеологического фронта, вверенного позже под шкодливую мою руку.

Три-пшнадцать

*...Швейк лёг в кухне на диван и почитал ещё газету, которую поручик принёс из казарм.
— Скажите, пожалуйста,— заметил про себя Швейк, с интересом следя за событием дня.— Султан наградил императора Вильгельма военной медалью, а у меня до сих пор даже малой серебряной медали нет.*

Гаишек

1. Портрет

— ...Грузик, проснись! Три-пшнадцать, проснись, сука! Грузик, погляди, это же джаз...

В казарме на две сотни бойцов действует обязательное правило выживания: ушёл в койку — отключайся намертво до пробудки, ибо к полуночи концентрация миазмов от переработки солдатами потреблённого пайка достигает запредельного уровня, посему, если вдруг от особо злобной колики сон прервётся, коротать остаток ночи придётся в курилке, а сонный воин есть потенциальная жертва армейских сатрапов...

— Грузик, в рот ноги, проснись! Это же кайф!

Рыжий щёлкнул меня после вечерней поверки, когда мы, задыхаясь от жара раскалённого за день железа, второпях давились тёплым «Памиром» (вино креплёное ординарное) в фотографической будке.

Урча желудками, я и Покойник разбежались по спальным местам, фанат-моменталист полночи творил мой поясной портрет...

— Извините, пожалуйста, вы не подскажете, где можно одолжить пятьдесят копеек?

Вопрошающий — ясноглазый упитанный субъект с охряными прядками по лепному черепу. Деморализованный кротким взором, я нашарил в кармане последний рубль и вручил вымогателю. Сам на тот день пребывал на птичьих правах временного ассистента художника, голодал жестоко и не видел будущего. За последующие месяц-полтора была мною разыграна завершившаяся абсолютной викторией баталия за приемлемый быт: благодаря содержащим алкоголические напитки посылкам из семьи и собственным непростым телодвижениям добился — таки вожделенного статуса, получив в собственное распоряжение художественную мастерскую, и должность оформителя при политическом отделе. Стало можно существовать: появился свой угол с печуркой — возможность просушки нательного и готовки скудных сверхнормативных харчей; образовались тайнички для сокрытия преследуемого по уставу спиртного: посылки из дома я получал регулярно и, обильно спаивая руководство, не забывал толику заначить (обладавший собачьим нюхом великолепный Батя поклялся сорокалетней португеей выявить в отбившемся от рук грузине злостного нарушителя и тайного врага — достойный прапор не ленился чинить на мою конурку ночные контрольные набеги, но каждый раз оставался с носом: горячительное по мере поступления разливалось в камуфлированные под растворитель и красители ёмкости без надежды на опознание).

Как-то, месяца через три после насильственного отторжения моего от родных пенатов, батюшка, надумав проведать любимое чадо, отбыл за три тысячи вёрст, прихватив с собой пару оплетённых ведёрных бутылей крепчайшей виноградской водки и ящик вина. На третьи сутки визита явившийся на построение лиловый с бодуна Стропило изрёк:

— Ну вот, бля! К грузину родитель приехал, и в полку сразу же открылся парк культуры и отдыха...

...Так вот: я, уже полноправный хам-солдат (салага не салага, дед не дед: сортир не убирает, в наряд не ходит, наглый, как дембель, а служил всего-то...), отмазюкав с трафаретки портрет вождя и лозунг про «ум, честь и совесть», выполз на согретые щедрым бактрийским солнцем ступени клуба и разбросал кости. Похрустев занемевшими от тяжких трудов суставами, закурил я сигаретку и стал пересчитывать наличность мелкими денгами. От житейских забот отвлек меня голосок со знакомыми интонациями: неподалёку стояли трое: приплясывающий рыжий толстяк, узбек и чуть в сторонке — наглмордый и голубоглазый, который ухмылялся в руку.

Рыжий давил узбека:

— Три-пшнадцать, дай пятьдесят копеек. А ты знаешь такую команду — «Блек Саббат»? Дай пятьдесят копеек, и Тони Аёми сыграет тебе серенаду на трубе... гони пятьдесят копеек, морда жирная, к тебе завтра родня приедет, жратвой завалит, а тут солдат восьмого года службы с голодухи лупится. Давай, сука!

Узбек, не выдержав напора, отсыпал в подставленную ладошку мелочь. Голубоглазый шагнул к рыжему, указал на меня, шепнул в ухо. Облизываясь, дуёт приблизился к ступеням. Рыжий, сменив тактику, начал:

— Простите, вы не подскажете, где можно одолжить...

Не дав развить тему, я напомнил о прошлом займе, потребовал вернуть сдачу с рубля и столько же занятых. Рыжий пощупал меня на предмет знакомства с Джимми Пейджем и, получив в ответ цитату из Моррисона, предложил объединить капитал. Что мы и сделали.

В тот вечер, в нарушение устава Вооружённых Сил, Покойник (голубоглазый, наглмордый) был делегирован через забор в ближайший продмаг. Уединившись в будке Рыжего, мы воздали должное немудрёной закуске и паре литровых пузырей местной отравы. Ночью мне было вручено моё фото, а наутро меня представили полуживому после дежурства Телеграфисту со словами:

— Хоть и грузин, но шарится!

Вот так и сложилась секта ГЪ.

2. Бражка

Приписан я был, как и полагалось, к полковому клубу, но ввиду особой значимости служебных моих манипуляций, как-то: поточное изготовление разноформатных предостерегающих и стимулирующих боевой задор плакатов, транспарантов, планшетов, стендов, роспись девственных по недосмотру фрагментов стен и заборов портретами вождей и изображениями застывших возле устремлённых на вероятного противника

средств массового поражения суровых воинов, оформление ленкомнат, музея боевой славы и прочее, — курировал мою деятельность непосредственно начальник политотдела, симпатичный, абсолютно не соответствующий должности по степени порядочности дяденька (единственный в полку высокий чин, не вымогавший посылку из солнечной Грузии). Любил он меня, Рыжего и всю нашу смурную четвёрку по-отечески и неизменно покрывал пропускки наши, за некоторые из коих могли мы запросто схлопотать коллективную бессрочную командировку на совсем уже дальние рубежи необъятной Страны Советов.

Кроме главного, имелся у нас с Рыжим шеф непосредственный — клубный начальник кровосос Алик. Воришка, выжига и сволочь, всем существованием своим демонстрировавший миру, что жить припеваючи можно и пользуясь мундиром офицера Советской Армии. Выпить и вкусно закусить он любил превыше всего, но пьянствовал с умом, набирался обычно к ночи, когда можно было не опасаться конфуза. Печень у Алика, по-видимому, пошаливала, ибо поутру после возлияния являлся он в часть с шафранными щеками и бывал по-подлему лют, изливая на нас похмельную хворобу...

Сегодня от той жизни меня отделяет, страшно подумать, сорок годков, посему воспоминания мои носят несколько сумбурный характер... Сорок лет тому, после года, потраченного на абсолютно дурацкое, бестолковое пустоделание, я вернулся в родной город, в любимый двор на любимой улице. Дома меня ожидало непонятное пока, в силу новизны ощущений, состояние — отцовство шестимесячной дочурки, проистекающие из этого заботы, слегка растерянная от неопытности моя подруга, суета дедушек и бабушек и требующие своей доли внимания друзья. Смена интенсивности эмоциональной нагрузки не затрагивает психику, если ты молод и крепок здоровьем. Я был молод, и организм мой был закалён казармой.

Сегодня, к слову, я также не жалею о самочувствии, но бывает, что от нескладно прожитого дня ночью меня посещают тяжёлые сны. А бывает, что приходит сон, от которого трудно оторваться: Рыжий, с трудом дотащивший до части посылку для тромбониста Эрика, пожаловался на ненормативный вес. В ящике оказалась фляга с мёдом кило на десять. Пренебрегая протестами адресата, изъяли четвёртую часть и затеяли в моей будке чаепитие. Сожрав сколько влезло, порешили организовать брагу из недоожденного. У кухонных добыли дрожжи, отмыли до стерильности бидон из-под олифы и заквасили родимую. Обмотав бидон одеялом, пристроили ёмкость за печуркой, прикрыли наглядной агитацией. Как этнически принадлежащий к племени виноделов, я предупредил компанию: продукт буду лелеять до полной зрелости, перебродит — дам отстояться,

отфильтрую, и после восчувствуем. Весь процесс займёт дней десять.

Рыжий явился утром, отыграв на плацу «Прощание славянки»:

— Грузик, где бражка?

— Охренел? Она только-только бродить начала...

— Кончай ты, Бога ради, свои светские заходы, давай кружку!

Рыжий выволок бидон из укрытия, наполнил кружку пенящейся гадостью, зажмурился... Пристроив выпитое в желудке, выхлестал вторую порцию и прижался животом к тёплой печке:

— Внутри добродит...

Минут через пять поплывший в хлам толстяк ушёл в фотографическую будку:

— Грузик, я подремлю. Кто будет искать — на почте...

Ну, бражку мы съели в два дня. Пришлось, пользуясь благорасположением некоей дамы из персонала санчасти, бегать за сульгином и прочими кишечно-укрепительными средствами.

— Ну что, Грузик, — это мы допивали остатки, — привык на родине ко всяким марочным? — Покойник занюхал порцию пойла рукавом.

— Не бери в голову, — Телеграфист нацедил себе, — абстрагируйся, генацвале. На войне как на войне, то бишь — в казарме...

3. ГБ

Воинская часть располагалась на окраине, соседствуя с окружающими железнодорожный вокзал кварталами. Между нашим забором и ближайшими домами присутствовал тенистый парк, куда солдатики бегали в самоволку — перехватить тёплой водки под манты. С тыла полк граничил с городским аэропортом, «шелкомоталкой» и изготовлявшим повидло, кильку в томате и загадочный «Анзур горный маринованный» консервным заводиком.

На «шелкомоталку» бегали по девочкам. По пути имели место два хилых продмага с увядшей колбасой и набором плодово-ягодной отравы. В одном из них я обнаружил покрытые толстым слоем пыли пузыри арабского рома с изображением губастой красотки на этикетке. Путём несложных математических выкладок и натуральных испытаний воздействия крепчайшего напитка на организм удалось убедить оппонентов в абсолютной выгоде замены традиционно потребляемого «Памира» на продукт, поставляемый в благодарность за помощь в Шестидневной войне. Попьянствовав, порожнюю посуду демонстративно выбрасывали на полосу препятствий. Руководство незамедлительно отреагировало на новацию в алкогольном довольствии личного состава — в утреннем приветствии Стропило не преминуло отметить: — Аристократы в полку завелись, в душу мать! Чернила жрать больше не желают, импортных напитков им подавай...

Врнёмся к нашей дислокации: от привокзальной площади троллейбус вез желающих в Пионерский парк, к озеру. Самоволки на озеро зачастую заканчивались гарнизонной «губой» и последующей длительной командировкой на заснеженные отроги Памира...

В двух кварталах от нас тянулись ряды Зелёного базара. Рыжий, возвращаясь с почтой, регулярно окучивал грядки с торговцами. Тактику плут выбирал незатейливую, но безотказную — наметив жертву, Рыжий наступал как танк:

— Бабай, дай арбуз. Дай арбуз, тебе говорят!

Нарвавшись на вполне объяснимое недовольство аборигена, переходил на ор:

— Я кровь проливаю, землю твою защищаю, а тебе арбуз паршивый для солдата жалко?!

Экспроприированные бахчевые толстяк складывал в почтовый чемодан; набрав мелких арбузов, менял их у тех же дехкан на пару ощутительных либо на сочную дыню.

В субботу выдался спокойный вечер: командиры укатили ревизовать дальнюю точку, Алик где-то пьянствовал, Телеграфист и Покойник приходили в разумное состояние после дежурства. Жара стояла убийственная, и мы, поджидая Рыжего, устроились на скамьях легкой киноплощадки, под сенью ветвистого желтосливника. Из клубного динамика ревел: «Арлекино, Арлекино...» — Сукой буду, Слепец дрожит на Пугачёву, — Покойник перевернулся на живот, — четвёртый раз подряд «Арлекину» крутит...

Телеграфист задрал бровь:

— Мастурбируют обычно на визуальный объект. — Так, может, у него фотография присутствует, — развил я тему, — и визуальный возбудитель он закрепляет вокализмами вожделенной особи?

На площадку ворвался запыхавшийся толстяк, выкатил из чемодана два арбуза и повернул назад: — Писем нет, переводов нет, дыню, подлые, не дали, я на развод...

— Опять арбузы... — Телеграфист сдёрнул с носа очки, — Грузик, что, в загашнике пусто?

— Сожрали всё, кроме повидла (за месяц до того Рыжий с Покойником приволокли с подшефного консервного заводика десятилитровый жбан яблочного месива).

— Нет! Только не повидло. Мне после дембеля будет во снах являться ломоть арбуза, покрытый толстым слоем повидла. В кошмарных снах.

— А поверх повидла, как на тартинке, штука кильки с долькой анзура, — добавил Покойник.

На плацу оркестр грянул марш. На коде кларнет Рыжего, гнусно фальшивя, перешёл на сфорцандо.

— Толстяк сигнал подаёт, — Покойник поскуцнел лицом, — кто-то из сатрапов на дежурство заступил. Либо Черныш, либо Баран.

— Черныш на Гулизон уехал, — напомнил Телеграфист.

— Значит — Баран.

— Какая разница, кто заступил? — подал я голос. — Один чёрт — денег нет, выпивки нет, ни хрена нет. Пойдём баиньки, как дисциплинированные солдаты.

Из-за ограды послышались вопли Рыжего:

— В рот ноги! Как с дедушкой разговариваешь? Давай рубль. Что значит — негу? Солдырь зелёный...

— Зря старается, — вздохнул Покойник. — Я всю учебку прошерстил, нет у солобонов денег.

Рыжий пришёл злой:

— Полный бардак: личный состав обнищал, на кухне клейстер с салом — зажрались отцы-командиры, Баран с похмелья, злой, как Кощей. Грузик, пожевать ничего не значено?

— Повидло.

— Фу... А может, бражку из повидла забубырим?

— Нет уж, хватит! — Телеграфист пощупал живот, прислушался. — Я, между прочим, собираюсь семью создать на гражданке. Здоровую, полноценную семью.

— Кстати, о семейной жизни, други мои, — это я подал голос. — Я боец молодой, опыта у меня мало, просветите: уже неделя как у меня напрочь пропала естественная утренняя эрекция. Может, нам какую гадость в баланду подмешивают?

— Ну, тебя-то это не особенно должно волновать, — рассудил Покойник. — Твоя супруга вроде на сносях?

— Грузик, не бзди, к осени рыбу завезут, хек называется, шишка сразу в норму придёт, — заверил меня умудрённый Толстяк.

— Спасибо, родной, успокоил.

— Протестовать надо, незамедлительно отвечать адекватными акциями на произвол зажавшегося воря! — Телеграфист протёр очки портянкой.

— Протестанты на Памире служат! — Рыжий понюхал арбуз. — Не могу я их больше есть. Грузик, а из арбуза бражка ништяк должна получиться.

Покойник зашевелил челюстью:

— На дембель дам домой телеграмму: «Евреи, готовьте форшмак!» С Домодедова — прямо домой: буду мазать форшмак на мацу и жрать, мазать и жрать...

— Всё, чуваки, — я сделал страшные глаза, — кончаем ныть. Начинаем протестные действия, но с умом. Что преследуется отцами нашими пуще всего? Правильно — нарушения устава, и в первую очередь несоблюдение формы одежды. Что пытаются примитивные наши однополчане сотворить на предмет нарушения формы одежды? Верно: женский половой орган на панаму, на сапогах гармонь, ремень на яйца, бляха согнута, и главное — неуставная причёска! Что делаем мы? Панама горшком и натянута по самые уши, голенища

без единой складочки, ремень под мышки, бляхи ровняем молотком и бреем головы до зеркального блеска. Усекли?

— Грузик, ты гений, сатрапы от изумления в штаны наложат, — Рыжий задёргал ляжками. — Бошки я обрею, сей миг за бритвой побегу...

— С сапогами не выйдет, — засомневался Телеграфист, — кирза всё одно складку даст.

— Не, родной, — возразил я, — у меня в будке лак авиационный, помажем — стоять будут, как пенис до призыва.

Намотав на бидон с повидлом старую шинель, мы соорудили болванку, и Покойник выгладил на ней панамы, придав им форму ночных сосудов.

Телеграфист развесил на сучьях урюка сапоги, а я обильно помазал голенища лаком.

Для фиксации ремней Рыжий вшил в наши гимнастёрки поддерживающие крючки чуть ниже подмышек.

После мы обрили друг дружке головы. Наведя марафет, вышли на прогулку. На штабной аллее на нас наткнулся Баран:

— Это, ётить, что за бля?

— Товарищ капитан, разрешите обратиться? — Рыжий выступил вперёд. — Это вы по поводу чего?

— Это, бля, что за ё...?

— А-а, понял, по поводу нашего внешнего вида. Это свпсу, — Рыжий сдёрнул панаму, — Стрижка Волосяного Покрова Согласно Уставу, оно же Соответствие Внешности Параграфическому Соблюдению Уложения!

— А... Ну, бля, да...

— Разрешите идти, товарищ капитан?

— Ага...

В курилке obsługi дембеля внимали брэнчавшему на гитаре Трезору. При нашем появлении гитара жалобно тренькнула и затихла. Стукач Ованес ни черта не понял, но на всякий случай рванул к офицерским баракам. Затянувшееся молчание прервал Синица:

— Вы что, суки, — полк позорить?

— Молчи, джубедло, — Рыжий отставил кругленький зад. — Новая мода: гб — Группа Близунов, пво — Против Вероятного Орангутана. Понял?

Мы продолжили променад.

— Результат налицо, — объявил Телеграфист. — Будем наблюдать развитие ситуации.

Перед отбоем появился проинформированный Ованесом Батя, обошёл кругом меня, крикнул, недобро улыбнулся:

— Грузин, я вас всё-таки определённо определю...

4. Герои

Наутро, перед баней, мы устроили пятиминутку на спортплощадке. Дабы поджарить бледные загылки, бритые головы явили солнечным укусам. Нач-физ, направляясь в свою каптёрку, остановился, оглядел нас умными глазами, одобрил:

— Гигиенично, опять же наглядное пособие по френологии. Голенища как выправили?

— Секрет фирмы, — отставил на каблук ножку Рыжий, — оборонная технология, товарищ старший лейтенант.

— Ну-ну, — физрук двинулся дальше. — Учтите, Че-Ка уже в курсе.

— Ну что, воины, выходной спланируем? — поднял я вопрос.

— Сегодня воскресенье — это раз, — Рыжий загнул палец. — К кашевару родня самаркандская приедет — это два. Минимум пятёрку сшибём — это три.

— Пятёрка — это пузырь рома и пятьдесят копеек сдачи, — уточнил практичный Покойник.

— Я к Анке пойду, чёрт с ней. Возьму тушёнки и ещё чего-нибудь... — Телеграфист принялся нервно протирать очки.

— Нет, родной, — это уже я занервничал. — Мы понимаем, ради дружбы ты на многое готов, но мы такой жертвы не принимаем. Закуска будет — на-прод неделю за мной бегаёт, просит слёзно мышей и сусликов изобразить для склада. Выдаст аванс, никуда не денется.

— На склад бочковую сельдь завезли для офицера, — пустил слюну Рыжий.

— Ты что? — Телеграфист покрутил у виска пальцем. — Селёдку с ромом. Опять Грузику за сульгином бегать?

Выпучив похмельные глазки, подкатил Али: — Снова ваши фокусы? Че-Ка уже в политотдел ходил, интересовался. От безделья беситесь, вашу мать!..

— Ну да, — Рыжий начал приплясывать, — конечно же, от безделья, и главный лодырь — Минченков. На почту — Минченков, фотки по ночам печатать — Минченков, оркестр идиотский тянуть — опять Минченков. Вы, товарищ капитан, мне, как Карлсону, пропеллер в жопу вставьте, может, я ещё чего успею...

— Молчать! Оборзели в суль. Грузин, Шеф зовёт, бегом к штабу.

Заложив руки за спину, Шеф прогуливался у кп. Внимательно рассмотрев меня, зажёт весёлые искорки в глазах:

— Вчера, кроме этого, — указал на мою панаму, — что-нибудь ещё учудили?

— Никак нет, товарищ майор.

— Особист приходил, интересовался, что это за группировка такая лысая объявилась. Ладно, в пятницу из штаба армии едут. Траву подкрасить, наглядную агитацию подновить. Возьми в помощь пацанов из учебки, я распорядился. И ещё: у нас все герои погнили, — Шеф повернул в Аллею боевой славы, — займись.

— А баня, товарищ майор? Завшивею в эту жару. — Помоешься в офицерском душе, я предупредил.

«Вот тебе и выходной!»—я с отвращением оглядел расставленных по бетонным столбикам гипсовых героев.

Примчался Рыжий:

— Грузик, в баню построение.

— Без меня, я вон этими уродами должен заняться.

— Не переживай, поварёнка я уже обработал,— Рыжий показал лиловую пятёрку.— Сегодня Шах заступает, банкет устроим.

У хозяйственников я позаимствовал тачку, забрал мешок гипса и, задействовав двух салаг, начал перетаскивать полководцев в клуб, выстраивая их по стеночке.

Войдя со света в полутёмный коридор, Алик, невольно потянувшись щепотью ко лбу, шараясь к противоположной стене:

— Ты что, охренел? Погост здесь устроил!

— Приказ начальника политотдела...

— Я те дам приказ! Он что, распорядился в клубе их красить?

— А куда ещё мне их девать? Может, на командный пункт?

— Волоки в киношку.

— А ежели дождь пойдёт?

— Хуже им не сделается, и так на прокажённых похожи.

Пришлось перетаскивать бюсты под любимый наш абрикос, расставлять по скамьям—изысканная получилась инсталляция.

Резко континентальный климат вызвал существенные изменения в облике народных любимцев: у некоторых отсутствовали отдельные анатомические фрагменты, у большинства пострадала бижутерия. Кутузов потерял один эполет и второй глаз. Обнажая жуткие язвы, старая краска пошла пузырями...

Вооружившись сапожным ножом, я стал вырезать дефектные места, кромсая подгнившие уши и носы. Покончив с аутопсией и замесив гипсовое тесто, приступил к органопластике. Начал с Чапаева. С легендарным комдивом проблем не возникло, подремонтировав папаху, я прилепил рубাকে недостающий ус и принял за Будённого.

Посвежевшая после бани троица заявила, когда я, высунув от усердия язык, вырезал на груди у Семёна Михалыча Звезду Героя из гипсовой нашлапки. Телеграфист оглядел пантеон:

— Форменный лепрозорий. Ну что, Грузик, справляешься?

— Вашими молитвами.

Покойник ткнул пальцем Суворову в пектус:

— Что я вижу! Неужто могодovid?

— Господь с тобой, это Андрея Первозванного, я в библиотеку бегал смотреть. Просто два луча отвалились.

Рыжий оглядел уже восстановленных:

— Да, Грузик, Роден может почивать спокойно: монументалист из тебя—как с моего хрена пончик. А это что за акроцефал?

— Котовский.

— На фаллический символ смахивает твой Котовский, если уши убрать.

Телеграфист подошёл к соседней скульптуре, сунул палец в зияющую вместо носа дыру:

— Этот сифилитик кто будет?

— Какой номер?—я сверился по бумажке.—Фрунзе это.

— Ущипните меня кто-нибудь!—попросил Покойник.—В некрополе у подножия Памира, под цветущим абрикосом, сумасшедший бритоголовый грузин ковыряет сапожным ножом грудь командарма Первой Конной, а на мне чистые кальсоны, и в кармане у меня бутылка тёплого рома. Ром я буду закусывать экспериментальной килькой и анзуром. Завтра у меня будет понос, и я отмечу, хочота, что от анзура у меня голубая моча. Херем на вас! Мама, роди меня обратно...

— Хватит ёрничать, сволочи, лучше помогите разобраться: у этих вот,—я указал на Суворова с Кутузовым,—полные борта побрякушек, и все попорченные. Как мне их восстанавливать?

Телеграфист махнул рукой:

— Ай, Грузик, не бери в голову. Кто из наших командиров в фалеристике разбирается, Стропило? Упрощай, дорогой: лишнее убери—тут крестик, там завитушка, и давай побыстрее, в грудях щемит.

— Ладно, валите. До отбоя управлюсь, красить завтра буду. Славик, давай к вороге кладовщику, скажи: грузин за сусликов аванс требует. Вырви что сумеешь.

Ближе к вечеру прибыл с ревизией Алик. Покрутился.

— Ничего, сойдёт. За неделю галки засрут, друг от друга хрен кто отличит. А Котовский у тебя на хер с ушами похож...

Ром пришлось закусывать селёдкой. Вдобавок Рыжий выцыганил у Анки кусок льда и вялый лимон, так что мы почти роскошествовали в моей будке. После второй Покойник поинтересовался:

— Грузик, ты когда антропоидов добывать собираешься?

— Завтра к вечеру расставить хочу.

— Может, спутаем постаменты, поглядим, рюхнут или нет?

— Алик, гнида, проверит,—Рыжий принял за селёдочный хвост,—по косвенным признакам идентифицирует.

Телеграфист дыхнул на стёкла очков и поискал чем протереть:

— Можно после, по ночам, менять их местами—тоже развлечение...

— А Ворошилов у тебя ничего получился, — Рыжий бросил обглоданный костяк в мусорную корзину, — помесь Хрущёва с Муссолини...

5. Ильич

В конце сентября подул афганец, зарядили дожди. Начавшие оживать после летней дизентерии бойцы, кашляя и размазывая сопли, опять потянулись в санчасть. От непогоды сразу покрылись струпьями красовавшийся у штаба монумент Ильича.

— Срочно займись! — распорядился Шеф.

Соорудив из досок шаткие леса, я приступил к трепанации черепа товарища Ульянова. Сновавшие рядом штабные, завидев скальпированного истукана, пугливо озирались и ускоряли шаг. Бригадовая тройца, наслаждаясь спектаклем, шныряла по кустам. Прохуdivшийся Ильич оказался по самые уши заполнен дождевой водой. Привязав на верёвочку консервную банку, я оседлал Вождя и принялся вычерпывать стоялую водицу через прорезанную в темени дырку. Озираясь, сзади подкрался Алик:

— Слазь...

— Товарищ капитан, там воды полно...

— Слазь, урод, застрелю. Мне до пенсии три года...

Алик гнался за мной до автобата. Там я спрятался среди раскуроченных грузовиков. Переждав, задумав пробраться к фотобудке. Рыжий запер меня и побежал прояснить ситуацию. Вернулся:

— Грузик, давай в штаб, Шеф требует.

— Как там?

— Злой.

— А Алик где?

— В кинопрокат уехал.

В кабинете Шеф курил «Родопи» и хмурил брови:

— Ну?

— ...Так в нём воды полно, товарищ майор...

— Заскучал ты здесь, я вижу. В задку свербит? Дисбата попробовать захотелось? Сходи к кочегару, он тебе расскажет, недавно оттуда. — Шеф раздавил окурок в пепельнице. — Че-Ка... тьфу ты, заговариваться начал с вами... особист у командира. До того тебя искал. Дотемна схоронись. После у чечена в караулке возьмишь фонарь: к шести утра Ленин блестящий должен, как котовые яйца. Завтра машина пойдёт на Пьянж — на неделю исчезнешь, пока я дело замну. Обновишь там ленкомнату. И чтоб как мышка... больше покрывать не буду. Всё понял?

— До утра не успею, товарищ майор. Воду вычерпать — сколько времени уйдёт?

— Просверли ему в жопе дырку, чтоб стекла! — заорал Шеф. — Пошёл вон...

На моё счастье, дождь перестал. Всю ночь я, латая дыры гипсом, красил идола. На рассвете, закончив, отошёл полюбоваться. Поблёскивая свежей

бронзой, страшный, как Фантомас, Ильич с ненавистью глядел на меня.

— Джубедло, — сказал я ему и побежал собираться.

6. Тревога

Вернулся я через десять дней. Первое, что услышал у проходной, — доносящийся из-за забора ор Рыжего:

— Бактриан ты! Чего не понял? Верблюд двугорбый, азиатский...

Облапив меня, Рыжий стал выкладывать новости:

— Завтра тревога. Тебе посылка пришла, Рапопорту тоже — форшмак прислали. Ларкин в отпуск едет. Алик с ангиной в госпиталь загремел. Все от твоего Ленина шарахаются — страшный очень. Сегодня банкет устроим... соскучились, Грузик.

Я отправился с докладом к Шефу.

— Прибыл? Завтра тревога. Проверяющие будут. Приготовьте с Минченковым всё.

— Товарищ майор, а с этим как? — я скосил глаза в сторону окна, где, закрывая обзор, торчала бронзовая голова.

— Выполняй приказ, Вера Мухина, чтоб тебе...

У когорты полковых дармоедов были строго расписанные «тревожные» роли: свободных от караула сторожевых отправляли на «передовой рубеж обороны», санчасть эвакуировали в тыл. Музвзвод и службу идиот комроты-2 водил в атаку — отражать десант противника. Начким, установив за клубом воздухохонепроницаемую палатку, отлавливал зазевавшихся и загонял в свой маленький освенцим. Начпрод рядом с кухней разбивал зачем-то кухню полевую.

Нам с Рыжим по тревоге предстояло обустроить оперативный пункт наглядной агитации.

Дабы не оплошать, мы заранее выволокли из-за клубной сцены пыльный «тревожный» стенд, привели его в божеский вид и перетасили к штабу. Я заготовил потребное количество боевых листов, оставив пробелы для фотокарточек. Рыжий зарядил вспышку и заправил плёнку в кассеты.

Прибыли увязавшиеся с Анкой на гарнизонные склады Телеграфист и Покойник. Нравнодушная к нашему интеллигенту маркитантка после погрузки автофургона мощным бюстом задвинула кладовщика в каптёрку — выписывать накладные. Пары минут нашим друзьям хватило: Покойник засыпал в голенища килограмм-другой гречки и упрятал в рукав батон колбасы, Телеграфист намотал под шинель связку сосисок.

Вскрыли мою посылку. Очень недурственно: бутылка «КВВК», грелка с чачей, шоколад и сигареты.

— Лукуллов пир, — Телеграфист закидал сосиски в кастрюльку с кипятком. — Грузик, наливай.

Чокнулись кружками.

— С возвращением, Грузик.

— За вас, родные.

— За нас, за нас...

Что-то веселья не получалось...

— Вы что как на поминках?

Покойник оглядел нас грустными глазами:

— Тревожно мне чего-то. Вот ведь как сложилось вдруг: занесло грузина, сибиряка, русака и еврея к чёрту на кулички; хиханьки, хаханьки — и прилепились друг к другу.

— Ну и что же тут худого?

— Грузик, — зачистил Рыжий, — вот тебя неделю не было — и в тоску мы впали. Как собаки грызлись, в рот ноги...

— Я же вернулся...

— Так скоро дембель, — Телеграфист сдёрнул очки, — разведемся.

— Вот чудак! Что, на разные континенты разбежимся? Страна у нас, слава Богу, одна на всех. Серёжа, ты домой, в Златоглавую, верно? Славка, не верю я, что ты на Смоленщину вернёшься: семь лет в суворовском отбарабанил, ты же к Москве уже прикипевший.

— Точно, Грузик, на истфак попробую.

— Ну а ты, Михайло Василич, тоже ведь не усидишь в Сибири, тесно там тебе будет.

— Да, восстановлюсь на третий курс и буду пробивать перевод в мгу.

— Что же вы носы повесили? Соберётесь в Москве, а мне до вас два часа лёта. Предчяние у меня: всё будет как в сказке...

— Слова магистра ласкают слух! — Телеграфист, пряча увлажнившиеся глаза, стал протирать стёкла.

— Долой оппортунизм, да здравствует гв! Наливай, Грузик, а я скажу тост, — Рыжий встал в позу:

Близунов отряд отважных
Занимался делом важным,
Дружбы силу познавал
И... ура, три-пнадцать!
За нас!!!

Диорама

<Лакуна>

2. Кукареку

Расходятся диаметрально интересы от точек соприкосновения. Их нет.

Виктор Цхварадзе

До Боржоми оставалось минут двадцать неспешной езды. Дел на объекте у меня было часа на два. После — обильный обед в гостиничном ресторане, убийственный бефстроганов приготавливали обычно, бутылочка «Карденахи» и глубокий, здоровый сон в уютном люксе — последние несколько дней выдались чрезмерно суматошными...

— «Запруда-три», вызывает «Запруда», — ожила безмолвствовавшая с утра рация.

— Какого чёрта им понадобилось? — притормозил, вырулил на обочину, не заглушая двигатель, потянулся к ненавистной трубке: — «Запруда-три» слушает...

— Где находитесь, «Запруда-три»? — осведомился главный диспетчер, мужчина скучный и во всех отношениях неприятный.

— На поддороге к Головному...

— «Запруда-три», вам немедленно надлежит явиться в Хашурский горком партии, ко второму секретарю, — распоряжение управляющего.

— А что стряслось, Васо?

— Мне не докладывали. Соблюдайте правила, не засоряйте эфир бытовыми вопросами...

(Прошу отметить, что данелиевский «Мимино» появился в прокате года через два после описываемых событий.)

— Сынок, крепись, Григорич про тебя сказал: «Был бы он рядом, я бы в него плюнул!» — засорила эфир неугомонная тётя Тасо. — Не вырывай микрофон, осёл! — это она уже наехала на Васо.

«Вот тебе и глоток кахетинского... Что же там стряслось, чёрт бы их побрал?!»

Развернув верный «пирожок», я покатиł вспять, оставляя за спиной картофель фри, тушенную в сметане телятину и мягкую перину на широченной кровати.

Второй секретарь оказался плюгавым, плешивым, носатым мужиком с оттопыренными ушами — в должности, по-видимому, состоял недавно, ибо не успел ещё обрести партийным жирком, однако присущую партработникам высшего звена садистически-ироничную манеру общения уже освоил и металлу в писклявый голосок подпускал к месту и не к месту:

— Так-так-так! Значит, это ты будешь знатный рационализатор? Это твоими стараниями мы долгожданную влагу получим раньше срока — осчастливим наших трудящихся круглосуточным водоснабжением? Славно. А с другой стороны — с бедными курочками что будем делать? Им после твоих художеств и проточная водица не в радость...

Глянул я на него пытливо: вроде не бесноватый, а чушь несёт.

— Какими, — говорю, — курочками? Я, если что, строитель, начальник техинспекции известного вам треста, к домашней птице никакого отношения не имею...

— Знаю я, кто ты, — отвечает, — а вот ты сам, похоже, не догадываешься, что аккурат со вчерашнего вечера имеешь самое тесное отношение к птицеводству. Скалу взрывать ты надумал?

— Я...

— Таки грохнули вчера перед закатом?

— Грохнули.

— И как прошло?

— Нормально. Дня через три выборку котлована закончим, колодец бетонировать начнём...

— Прелестно. А скажи-ка мне, рационализатор, ты, когда свой взрыв планировал, не обратил внимания, что вблизи от вашего котлована обширный комплекс разнообразных строений присутствует? — Это вы про птицеферму? Так туда и будем первую нитку тянуть...

— А на кой хрен теперь эта нитка нужна, если от грохота и сотрясения всего хозяйства куры перепугались и нестись перестали?! Двенадцать тысяч с хвостиком ежедневного убытка, урод!.. — сунул мне под нос связку бумажек. — Узнаёшь? Тут на каждой странице твоя подпись...

Как не узнать, когда сам корректировку трассы задокументировал?..

А плюгавый ещё больше распалился: — Думаешь, раз беспартийный, я тебя и вздрючить не сумею? Да плевал я на административные взыскания, я подожду чуток и, как убыток за сотню косых перевалит, подведу тебя, соколика, под шестьдесят девятую статью: «Вредительство: действие, направленное на подрыв производственного процесса путём противодействия нормальной работе предприятия народного хозяйства, повлёкшее за собой убытки в особо крупных размерах» — от восьми до пятнадцати с конфискацией...

Тут уже я психанул.

— Выкусишь, — говорю, — так я тебе и дам в прокуратуре дело состряпать, по арбитражным судам весь твой орготдел с уксом⁶ затаскаю за халатность и некомпетентность при принятии хозяйственных решений!

— Ты на кого прёшь, щенок? — совсем уже взбеленился.

— Пошёл в жопу, — говорю, поворачиваюсь и топаю из кабинета и из гадюшника заплесневелого.

На лестнице зампред горисполкома подвернулся, что-то вякнуть пытался, заодно и его обложил. Завёл «пирожок» и вырулил на трассу, благо в сотне метров проходила, а там направо, на серпантин и на запад — за перевалом рация не действовала.

Переночевал в Кутаиси, в привокзальной гостинице — центральная была переполнена. Утром, с подозрением разглядывая в мутном зеркале расчёсы на груди, умылся минералкой — из крана выжать ничего не удалось, завёл «пирожок» и продолжил путь.

К проходной сухумского управления подкатил к полудню. Заехал на деловой двор: Владвас, засунув руки в карманы великанских штанов, торчал на крыльце конторы. Завидев меня, ослабилась: — Ты как раз к обеду, пошли в столовку, знатным омлетом угощу — утром свежие яйца завезли...

— Свиныя ты, Владвас, — говорю, — а ещё в дружбу набиваешься.

— Да ладно тебе: от Тифлиса и досюда по всем нашим подразделениям только о твоих несущках разговор и идёт. Слышь — слух образовался: Григорич с утра во власть пошёл, тебя отмазывать...

— Хрен он меня отмажет, если эти подлые нестись не начнут. У тебя в Эшерах свободно?

— Гостевой домик занят...

— Бл...дей небось нагашил?

— Почему сразу бл...дей, душа твоя чёрная? Вполне себе приличная семья из Таганрога. За старшую там какая-то родственница моей тёщи. А мой домик пустой, поезжай, отлёживайся. Ежели какие новости нарисуются, пришлю гонца.

Покатил я на Владвасову хату, по дороге прикупил пару пузырей «квкк», минералки и горького шоколаду. Добравшись, пошёл знакомиться с гостями.

Семья из Таганрога насчитывала около полудюжины особей. Центральным звеном являлся средних лет учитель музыки, который умудрился транспортировать с берегов Меотиды на Черноморское побережье жену с кучей отпрысков, тещу, да ещё и тещину маму. С ним мы распили литр коньяка, после чего музыкант чуть было не утоп, затеяв заплыв наперегонки с прибором. Спасали его всем семейством. Толку получилось бы мало, но, на наше счастье, мимо проплывали на рыбацкой лодочке местные мужики, которые его и выловили. Во время всего действия младший отпрыск утопающего — вертлявый, кучерявый, конопатый мальчонка — наигрывал на скрипке фрейлехс «Семь-сорок».

Одуревший от нервной обстановки, я завалился спать и проспал без просыпу ровно сутки, после чего снова съездил за коньяком.

На четвёртый день моего отшельничества появился водила Владваса:

— Шеф велел передать: амнистия вышла.

Наспех попрощавшись с музыкальным семейством, я покатил в управление.

Владвас проводил пятиминутку. Растолкав трудя, я прорвался к его столу:

— Ну?

— Малява пришла: разродились наконец твои куры. Мало того, сам Геннадий Васильевич с хашурскими товарищами побеседовал — Григорич расстарался. Думаю, после беседы этой райкомовцы готовы тебе ботинки вычистить, так что дуй домой. Очухаешься — супермагарыч с тебя, сообщи место и время. Кукареку!..

Диорама

<Лакуна>

Эпизод

Новый 1980 год подоспел, и с утраца мы — я и пяток сослуживцев — расслабились в серных банях,

6. укс — управление капитального строительства при муниципальном либо хозяйственном субъекте.

в «Пушкинском» номере, под чешское пиво. После поднялись на Мтацминду—присутствовала там под самым чёртовым колесом преуютнейшая харчевня, в которой в любое время суток подавали алазанского сома с киндзой в винной заливке да под экспортную «Столичную».

Шибко не злоупотребили: новогодний ужин в кругу семьи—это святое, поемому, откушав рыбки, восчувствовал рюмочку-другую водочки и усугубив на посощок охлаждённым брютом, пожелали друг дружке ещё сотню новогодних разговлений в будущем и разбежались—большинство к трамвайчику фуникулёра, а мне было сподручнее на «канатке», вот и спустился я на Земель.

Стою напротив кассового зала Аэрофлота (это где нынче гадюшник «Макдональдса» красуется), такси отлавливаю. Гляжу, топают через дорогу соседствующий приятель, бывший физик, а в то время—забросивший учёные штудии и воспылавший нежными чувствами ко всевозможным гадам и амфибиям заведующий серпентарием нашего зоологического сада. Небритый, встрёпанный, с объёмистым портфелем—видно, что с дороги.—Привет,—говорю.—Откуда такой тверёзый и утомлённый?

— Да из аэропорта, только прилетел...

Тут как раз зелёный огонёк показался, тормознул я тачку.

— Садись,—говорю,—подвезу.

В пути продолжили беседу:

— Так куда летал под самые календы?

— В Баку. Из тамошнего зоопарка по обмену животное привёз.

— И куда дел? Неужто в камеру хранения сдал?

— Да нет, вот оно...—и застёжку на портфеле сбросил.

Не знаю, как он умудрился запихать в баул метрового ящера с диким взором, зубастой багряной пастью и раздвоенным алчущим языком, который, ощутив некоторую свободу, незамедлительно предпринял попытку выбраться на волю и поведать нам про нелёгкую долю пленённой рептилии. Таксист, чернявый, плотный, с округлым животиком, бросив «Волгу» с работающим мотором и распахнутой дверцей на проезжей части, бежал по проспекту и орал:

— Люди! Спасите, уберите от меня этих сумасшедших!..

На его вопли из ближней ментовской поспешили стражи порядка...

Не разобравшись в ситуации, взъярённая ментура поначалу загнала нас в обезьянник, портфель при этом изъяли и открыли. После стражи порядка, выпихнув нас из клетки, сами втиснулись в неё и заперлись изнутри, а бывший физик гонялся по дежурке за неожиданно резвым ящером. Я взобрался с ногами на единственный в помещении стол и наслаждался зрелищем. В конце концов рептилия

вновь оказалась в бауле, мы в клетке, взбудораженные менты допрашивали насилу удерживаемого в околотке водилу, трясшегося от пережитого и оттого излагавшего какую-то бессвязицу...

Наконец прибыл отозванный от праздничного стола и оттого люто злой начальник отделения—на наше счастье, старый мой знакомец и собутыльник. Покрыв суесящихся сочным матом, приказал всем заткнуться, а мне предложил внятно изложить суть событий. В процессе моего повествования вещдок, то есть ящера, главный фигурант дважды извлекал на свет Божий, и дважды дежурка пустела—опричники ломались на волю...

Но всё на этом свете имеет начало и конец: разобрались, постановили оштрафовать нас с серпентологом за мелкое хулиганство и компенсировать таксисту моральный и материальный ущерб. Последний денег из моих рук не принял—пришлось передать ему четвертной через посредника—и, всё ещё конвульсивно подёргиваясь, покинул участок, завёл переганную к дежурке тачку и тихим ходом укатил во тьму.

Утомлённый дорогой и последующей кутерьмой змеелов, прихватив «животное», улизнул домой, благо проживал через улицу.

Я, отслонив личному составу ментовской на дюжину кахетинского, поспешил к домашнему очагу—Дедушка Мороз уже стучался в двери горожан...

3. Дачники

Воспрещается жить на даче сумасшедшим, безумным, страдающим заразными болезнями, престарелым, малолетним и находящимся в строю нижним чинам... Травы не мять, почвы не загрязнять и берёз не ломать.

Антон Чехов, «Дачные правила»

К середине восьмидесятых неперемный летний отдых в окрестностях Бештау и Большого Седла дочуркам моим опостылел. Все терренкуры были пройдены, во всех возможных сочетаниях опробованы железистые и кислые воды, по лермонтовским местам семейство, сопровождаемое сворой закадычных дворняжек, разгуливало как по собственным, знакомым до последнего кустика, угодыям. Пресыщенные прелестями Пятигорья, дети запросились на родные ландшафты.

Спешно собранный совет дружественных кланов постановил: местечко Сиони, ибо курорт манил чистым гористым воздухом, проточным озером с благоустроенной под нужды купальщиков частью берега, обильной рыбалкой и буйством окрестной флоры. Порешили арендовать один вместительный дом на вешех, в квартирьеры определили меня с Длинным.

В первых числах июня мы покатали на рекогносцировку. По прибытии на место автомобиль

оставили у отделявшей акваресурс от жилой части поселения дамбы и прогулочным шагом обошли ближний околоток. Привлѣк наше внимание двухэтажный особняк, отличный от прочих широкой террасой, просторными балконами, свежескрашенными стенами и ухоженным цветником при обширном надворье. Подозвали подстригавшую клумбу вероятную домовладелицу—благообразную матрону средних лет, и представительный Длинный, вовсе используя замысловатые обороты литературного языка времён Первой республики, поведал селянке о наших намерениях.

— Детей у вас много? — в упор спросила хозяйка усадьбы.

— Дети у нас уже взрослые, — уклончиво ответил Длинный и принялся с жаром расписывать, какие это благовоспитанные и во всех отношениях положительные юные дарования; перечисляя славных их предков, упомянул две-три фамилии уважаемых в обществе деятелей науки и культуры — что-то, а искусством плетения гирлянд из лапши гаер владел в совершенстве.

Сговорились: Асма́т — так величали хозяйку — согласилась переселиться до конца сезона в отстоявшую от основного строения летнюю поварню, предоставив в наше распоряжение всю остальную недвижимость на тот же срок. Отслунив хозяйке аванс, мы, посмеиваясь в усы, поспешили к родным пенатам — оповестить будущих дачников об удачном завершении возложенной на нас миссии.

Дабы без дорожных потерь переместиться в арендованные апартаменты, я пригнал с работы автобус. Всего нас насчитывалось двадцать пять душ: пять супружеских пар со своими отпрысками, сынок наших близких друзей — малолетний вредитель Котя, гость из Москвы — недоросль Гоша, и, наконец, четвероногий член сообщества — спаниель Чарлик. Были мы молоды, полны задора, и, хочу отметить — абстинентов и нытиков в компании нашей не наблюдалось.

Автобус остановился у калитки. Асма́т вышла встречать постояльцев. Первыми посыпались наземь детишки, построившись колонной, прошли в калитку, замыкающий Котя скорчил слегка ошарашенной хозяйке рожу. Далее, смутив домовладелицу пестротой городских одежек, продефилировали дамы, после них — отцы семейств. Последними сошли суровый в телесном своём изобилии Длинный и его верный Чарлик.

— Вай ме⁷, ещё и собака? — всплеснула руками встречающая.

— Госпожа Асма́т, — начал Длинный, — этот пёс воспитан так, что без моей команды и шагу не ступит. Пока я не разрешу, он с места не сдвинется...

Чарлик, примостившийся у ноги хозяина, внимал его монологу, одновременно изучая подлым глазом вверяемую ему территорию. Длинный нагнулся, отстегнул поводок. Чарлик проскользнул в калитку, намѣтом прошѣлся по двору, поднял гревшихся на солнышке ухоженных кур, отловил красавца-петуха, придушил его и уселся, довольный, у ещё подѣргивающего лапами тела первой жертвы.

Пышный хвост убиенной птицы заинтересовал Котю. Вредитель подкрался, выдрал переливчатое перо, пристроил его за ухом, издал леденящий душу боевой клич и немедленно вскарабкался на крышу ажурной беседки.

— Вай ме, — повторила Асма́т и скрылась во временном своём жилище.

По прошествии недели внешний вид арендованной усадьбы претерпел некоторые изменения (так, наверное, выглядели в старину домовладения, подвергшиеся набегу «потусторонних» горцев): цветник был уничтожен, на фоне озѣрной глади полуразвалившаяся беседка напоминала терпящий бедствие корабль. За каждую убиенную Чарликом несущку домохозяйка выставляла счёт в размере двадцати пяти рублей. Хоть сионские куры и давали наваристый бульон, но мы рассудили, что цена непомерна (на рынке уже ошипанная и выпотрошенная деревенская курица стоила в три раза дешевле), посему душегуба посадили на привязь. Смею заверить: ни один представитель популяции *Canis lupus* не сравнится с русским спаниелем в искусстве обертонного вокала.

Дабы Чарлик постоянно находился в поле нашего зрения, привязали его к фронтальному опорному столбу строения, ко второму столбу по утрам привязывали вредителя Котю, ибо последний был уличѣн в попытке поджога убежища домовладелицы, причѣм сама Асма́т находилась в это время внутри. В пиротехнической акции принимал участие и младший сынишка Длинного. Второй поджигатель был передан под гласный надзор дамской половины, спички изъяты из свободного обращения, количество используемых коробков строго учитывалось.

Столичный Гоша страдал пристрастием к декламации. В любое время дня можно было видеть его перед фронтоном дома, где из перевёрнутой верх дном лохани оратор устроил себе подиум. Приняв классическую ленинскую стойку: правая рука, правая нога вперѣд, шея по-жирафы вытянута, — Гоша неожиданным для недоросля густым баритоном травил нескончаемые байки московских подворотен. Обладавший музыкальными способностями Чарлик наловчился подстраивать свои рудлады под ритмические паузы декламатора. Периодически к дуэту присоединялся вредитель Котя:

— Я что, тоже собака — целый день на привязи сидеть?

7. «Вай ме» — «Горе мне» (груз.).

Асма́т после неудавшегося поджога демонстративно повязала лоб чёрным платком, так и ходила до самого нашего отъезда.

Как нам отдыхалось? Да чудесно! По пятницам пополняли запасы продовольствия и спиртного. По субботам творили грандиозное винопитие с обустройством ритуального огня и поднесением даров щедрым богам. В воскресные дни мы релаксировали: лёгкая опохмелка, рыбалка, приготовление ухи, повторная опохмелка, исследование дальних берегов водохранилища с использованием позаимствованных с причала гребной станции плавсредств, распитие «чарки первооткрывателя» на тех берегах и прочие невинные шалости.

Да, забыл поведать: пытливые наши детишки, сориентировавшись на местности, определили, что имеется возможность существенно сократить путь до озера — препятствием служила глухая тыловая ограда усадьбы. Часть забора была немедленно демонтирована, и образовавшийся лаз предоставил нам возможность беспрепятственного проникновения на зады гребной школы.

На следующий год образовавшееся сообщество дачников вновь проголосовало за отдых в Сиони, единственное — арендовать апартаменты пришлось на значительном удалении от первого нашего пристанища...

Диорама

<Лакуна>

4. Пятница, не тринадцатое

Мы время полоскали водкой...

Михаил Ляшенко

Сколько человечков может вместить при максимальном уплотнении спальная комната хрущёвской «трёшки» (меблировка — приставленный торцом к оконному простенку массивный письменный стол, венский стул перед ним и три стандартных топчана вдоль стен)? Два десятка душ обоего пола, и ещё останется проход от двери к окну. А как-то во время одной из пятничных посиделок был установлен абсолютный рекорд: «клуб» вместил аж двадцать пять жаждущих общения, и не только общения, меломанов...

За окном ныл ноябрьский водогон. Пётр Ильич, поочерёдно выдвигая ящики стола, выставлял на столешницу стаканы. Дим-Дим осуществлял общий надзор. Я держал кассу.

В прихожей тренькнул дверной звонок, появился обстоятельный доктор Тоша, выложил на стол лиловую пятёрку, сообщил радостную весть: — У Фриппа новый состав — сессионных лабухов набрал, уже гастролируют, значит, скоро альбомом осчастливит...

Пришёл Миша-ксерокс с носатой блондинкой:

— Сообщаю: свежую «Рок-энциклопедию» подвезли. С понедельника запущу в тираж, для своих по двадцатке, для фраеров по полтиннику...

Следом явился неунывающий Персик:

— Чуваки, в торговую сеть чешскую сливянку выбросили — слеза девственницы в брачную ночь...

Пришли четырёхглазый Павлик с Деликатным Мозгоправом. Павлик брякнул дежурную глупость, Деликатный вяло улыбнулся, уселся у дверей, ибо не терпел табачного дыма.

Ввалилась Клеопатра, она же мадам Верёвкина: — Юношам моё почтение. Павлик, у тебя встал наконец? Шучу, шучу. Кассир, спинтрии принимаем?..

Пришёл Джон с Махат-горы, без денег, но со своей бутылкой вина; молча забрался на топчан, затаился в самом тёмном углу.

Подтянулись остальные: громогласный пустомеля Барабан, тихоня Кадровый Юрий, предупредительный Цырлих-Манирлих, Девственный Никита, Начальствующий — по-видимому, прямо со службы, левая бровь всё ещё топорщилась скобой.

Пришёл Средний Брат с набором свежих анекдотов, уже в дверях приступил:

— Значит, так. Одесса, гастроном, заходит Рабинович: «Скажите, у вас мясо есть?» — «Мяса у нас нет, — отвечает продавец, — но я дам вам хороший совет...» — «Мне не нужен совет, — обижается Рабинович, — мне нужно мясо!» — «Если вам нужно мясо, то поезжайте в Аргентину, это страна мяса. А у нас страна советов»...

Поржали. Клеопатра пустила умилённую слезу, свела ладошки:

— Мусик, я тебя вот такусеньким помню...

— И я тебя такусенькую помню, — отозвался Средний Брат, — сама маленькая, а задница такая же, как и сегодня... А что, бухла ещё нет, не ходили?... У меня времени в обрез — афишу надо на завтра малевать. Кстати, фильм клёвый — «Площадь Сан-Бабила», Карло Лидзани, о засранцах-неофашистах...

Мусик прервался — заявила троица залётных, косящих под хипповых герлук гризеток: две в теле, третья тощенькая. Им уступили места в партере, поближе к столу. Клеопатра насторожилась, принялась придиричиво рассматривать, девицы чинились, жеманничали.

Вновь отворилась дверь, оставшееся пространство сразу заполнил бессмысленной суетой компактный Пи-Пи. Дим-Дим загнал невротика на поднадзорное место у подоконника.

Пришёл известный сиськохват Стройтрест, скинул пиджак, ослабил узел галстука, потеснив Павлика, подсел к девицам.

В дверь с трудом протиснулся Француз в обнимку с двадцатилитровой бутылкой. В наполненную ёмкости возмущённо пенилось пиво. За гаером на подстраховке следовала Газетчица.

— Ёрш,—объяснил Француз,—пехтурой пёрли, потому так вспенилось...

— А где водка, если ёрш?—не поверил Дим-Дим.

— Внутри, не буду же отдельно тащить...

— Ну-с, кто с Петрушей в гастроном?—Дим-Дим вспомнил о регламенте.

Вызвался Цырлих-Манирлих:

— Что брать будем?

— Неуместный вопрос,—обиделся Дим-Дим.—

Что пьют в кафкианскую ночь?—указал на окно (по стеклу барабанил упругий косохлёт).—Естественно, водку!

— Сегодня в гостях дамы,—напомнил Пётр Ильич.

— Дамы водку пьют,—пискнула тощенькая,—с соком...

— Ясно,—резюмировал Дим-Дим,—водку и сок.

Апельсиновый подойдет?

— Ну и пару пузырей сливянки,—предложил я,—на пробу. У Персика губа не дура, ошибаться не умеет...

Первую пропустили под Клейтон-Томаса. «Thank you baby, thank you be-e-ebuy...»—стенал гаер. У Начальствующего разгладилась хроническая скоба. — Петя, у меня заявление,—перекрыл гвалт натренированным на министерских пятиминутках голосом.

Пётр Ильич убавил звук, все обратились в слух. — Отдам мой «Дюаль», с запасной иглой, за полторы...

Я насторожился: вертушка свежая, в руках аккуратиста, коим являлся наш чиновник, считай, новая.

— Как насчёт рассрочки?

— Сговоримся.

— Сделку надо обмыть!—Пётр Ильич сорвал колпачки с пары поллитровок.

Дверь отворилась. Зашёл неизвестный мне, да, по-видимому, и прочим присутствующим, мужчина с плаксивым лицом, на котором явно читалась склонность к лёгкому умопомешательству, выпил два стакана водки подряд и забился в угол второго топчана.

После третьей заговорили разом, каждый о своём:

— Куда ему до Фриппа? Фрипп—король полиритмии, он его в карман посадит. Петруша, поставь «Lizard», душа требует...

— Нопфлер—гитарист приличный, но ему перчика не хватает, нудноват...

— Клэптон? Да ну его, слюнявого...

— Бейкер, Хайсман, Палмер—это верхушка!

Остальные перед ними—приготовишки...

— А Бруфорд? А Бонем? Скажешь тоже...

— Завинул убойный альбом запустил...

— А-а, без Пасториуса «Рипот»—детский сад...

— Всё плохое кино делится на индийское, арабское и фильмы киностудии имени Довженко...

— Клапана притирает ювелирно, движок как новый тянет...

— На рожу без слёз не глянешь, а задница—бутон нераспустившийся...

— Как говаривал Конфуций, карма—она, бл...дь, переменчивая...

— В его писанине раздражает щеголеватость слога!

— Тогда читай Воннегута...

— Ага, известная спортсменка—чёрный пояс по «Камасутре»...

— Это когда пиво ещё делали из солода, а не из таблицы Менделеева...

— Штатники совсем офигели—второразрядного актёришку президентом избрали...

— В Чите сто пятьдесят четвёртая «тушка» грохнулась. В прессе, конечно, ни гу-гу, но прикинь—жертв нет, ни одного жмурика...

— Ты послушай, какая басовая линия, прямоком в мозжечок колотит...

— По всей видимости, талант и большой пьяница...

— Так вот, доложу я тебе, друг любезный, Аксёнов твой—хрен моржовый...

У Девственного взыграла душа, что вылилось в крайне немзыкальное исполнение расхожего шлягера «Hotel California». Вокализ успеха не возмел, и солиста, уплотнив публику, пересадили на другой топчан, напротив Клеопатры. Страдалец прилип алчущим взором к мощным ляжкам мадам и затих.

— Петя,—встроилось в музыкальную паузу мелодичное сопрано из-за двери,—Боря опять в уборной заснул.

Похрапывающего Пи-Пи занесли, уложили к стенке, позади залётных.

К десяти слиняла Клеопатра: мол, потехе—час другой, а делу—время, клиенты простаивают.

Пробудился Пи-Пи, блеснул знанием лагины, пропищав:

— Simila Similibus...—оттопырив мизинец, принял стопарик и вновь погрузился в сон, обняв пышный зад ближней девицы.

В двенадцатом часу, потеряв надежду на романтическое продолжение вечера, засобирались залётные. Стройтрест вознамерился было их проводить, но—дождь усилился, водки было ещё вдоволь, и в ответ на кокетливое:

— Ну что вы, зачем же беспокоиться?...—упорствовать не стал, после чего девицы чередою коротких, но обстоятельных выражений послали его, а вместе с ним и всех нас, в строго определённое место и удалились.

Лишённый мягкой подушки Пи-Пи вновь продрал глаза и проблеял козлетоном:

— Официанту воткнули в жопу вилку, на том закончилось последнее танго!..

Пётр Ильич в четвёртый раз предложил на посошок...

Расставались под меланхоличную Спирогиру. Ангельский голосок Барбары Гаскин толкнул Персика в объятия старика Еврипида:
— Из царских уст или из уст безвестных одна и та ж звучит различно речь... е...ись оно всё конём!!!
Вечер удался...

Ретроспекция

Мы свой, мы новый мир построим!
Марш глобалистов

Знавал я некогда чудный город Кисловодск—славился нарзанными источниками, буйной флорой, несказанно мягким климатом и кое-чем ещё...

В летнюю пору подтягивались обычно в этот маленький эдем состоятельные граждане со всего Союза. После приятной суеты, связанной со взятием в наём предоставляемых аборигенами апартаментов, спешно строились графики и маршруты оздоровительного процесса, включающие посещения всевозможных водолечебниц, клизматориев, соляриев и прочих профилактических учреждений.

Магушка покойная, вплоть до вступления моего в пору активной половой зрелости, всенепременно вывозила меня в августе месяце испить нарзану и подышать горным воздухом; а после, обзаведясь семейством, я сам затеял регулярную практику: ежегодно загружал в безотказный «жигулёнок» подругу любимую и отроковиц наших—кати на «на воды».

Будучи уже «тёртым» курортником (алкаши с бульвара за руку здоровались), вечерком устраивался я с семейством на скамеечке возле Колоннады и с большим интересом наблюдал за перманентным процессом крушения оздоровительно-терапевтических начинаний новичков, ибо у входа в целительный Кисловодский парк присутствовало круглой конфигурации здание, и называлось то место—ресторан «Чайка».

Возле «Чайки» торговал лоток, а на лотке том, аки упитанные поросята, возлежали знаменитые «кисловодские бочоночки». Это, знаете ли, не просто воздушные пирожные были—это был такой цимес, после потребления которого у представителя сильной половины человечества сразу же появлялось стойкое, неубиваемое желание жрать вкусности, пить шампанское и делать комплименты дамам, короче—после «бочоночка» душа требовала посетить «Чайку».

Теперь по поводу «Чайки»: ежели, к примеру, вы зашли днём, отобедать для—скатерти с хрустом, недорослям специальный стульчик с мисочкой, ручки помыть; далее—щи суточные в горшочке с ветчинной косточкой, щавелём, индюшачьей грудкой и крутой сметанкой, салатик «Столичный» для поднятия тонуса, острый сыр, помидоры кубанские, укропчик, лучок зелёный, заливной язык,

маслинки. Опять же исключительно для поддержания аппетита—копчёный бок севрюжий, чуток палтуса дальневосточного, икорка... А после—на выбор: форель крапчатая обжаренная, с изумительными ма-а-а-аленькими пикулями домашнего посола и тонюсенькими колечками лимона, филе в глиняной посуде с грибами томлёное, перепел при нарезке из шпика и буженинки, шашлык «по-карски»—это когда на один вертел насаживаются кусочки вырезки, кусочки барашкиной почки, чуток рёберной части (чтоб погрызть) и «пёстрое мясо». А при всё том—«Абрау-Дюрсо», «Кахетинское №8», коньячок «КВВК» (хоть кто из сегодняшних знает, что это такое?), после—чай, настоящий *байховый* чай.

А ближе к вечеру... ближе к вечеру в «Чайке» собирались жаждущие ласки мужчины и очень красивые барышни, играла скрипка, официанты вставали на цырлы, вдрызг уставший пианист засыпал, уронив голову на клавиши...

Ровно через сутки после прибытия на воды среднестатистической советской семьи наблюдалось абсолютное расслоение интересов: до Колоннады семейство двигалось обычно сбитой кучкой, далее глава застревал у входа, остальные следовали оздоровительному терренкуру...

Имелось ещё одно интересное заведение—«Красное Солнышко» называлось, и кухня там была ещё более соблазнительная, и не только кухня,—но до того самого «Солнышка» приходилось переть пёхом часа полтора в гору.

Существовал ещё «Замок Коварства и Любви», туда на такси ездили исключительно вырвавшиеся из-под семейной опеки терпилы. Что добавить? На задворках «Замка» шашлычная пребывала, где клиентов обслуживали гурии в полупрозрачных одеждах...

Самое интересное, что *фсё* это изобилие не требовало непомерных затрат: джентльмен, имевший в кармане «подкожный» полтинник, мог себе позволить с головой окунуться в мир наслаждений...

Несколько лет тому проездом очутился в Кисловодске: «Чайку» давно разрушили, летней эстрады нет (Боже мой, ежегодно Эдди Рознер с оркестром приезжал, создавали атмосферу «пристойного» блюда), парк в сортир превращён, у Колоннады стоит лоток с хот-догами и фантой. На каждом углу заблёванные бары с поддельным виски, польской «текилой» и дешёвыми шлюхами. Кому под небом голубым мешал «кисловодский бочонок»?

5. Пресс

<Лакуна>

6. На отдыхе

<Лакуна>

Эпизод

Двадцать восьмого мая 1987 года, ближе к ночи, осатаневший от трёхсуточного заточения в чреве раскалённого жарким степным солнцем, в дым пьяного купейного вагона, я ступил на заплёванный перрон Казанского вокзала. Каланчёвка пребывала в непривычном безлюдье, что настораживало— даже бичи и «попутчицы» куда-то стинули. Озираясь, пробрался к будке городского телефона, закинул двушку в щёлочку, набрал номер Рыжего:— Привет, боец-перестарок, с Днём погранца тебя...

— Грузик, в рот ноги! Ты откуда взялся? С Рустом прилетел?

— С каким ещё рустом?— спрашиваю.— Ты што, с утреча принять успел? Не наш вроде праздник— наш ещё в апреле отмечали...

— Какой, к хренам, праздник? Бери тачку, поспеши сюда, я тут водки набрал, сижу, думаю: за здоровье державы употребить или за упокой?..

Повесил я осторожно трубочку, выбрался из будки, гляжу— огонёк зелёный. Тормознул таксомотор, уселся. Водила воровато так через плечо глянул, врезал по газам. Я ему:

— Отец,— говорю,— чего это в Москве делается, а? Вы что это все замалахолили, а?..

Он всем телом ко мне— аж руль вывернул, чуть в столб не влетели:

— Так ты пойми, он же, бл...дь, прям у Василия Блаженного сел, разъези его нерусскую мать!..

— Кто,— говорю,— сел, батя?

— Так Руст, нехристь, кто же ещё? Нет, ты пойми, мне, бл...дь, за державу обидно!..

— Ладно,— говорю,— товарищ, ты нервы успокой, меня в целости на Ленинский доставь, будет тебе за героизм рванный сверх счётчика...

Двадцать восьмого мая 1987 года восемнадцатилетний западногерманский лётчик-любитель Матиас Руст на спортивном самолёте Cessna прилетел в Москву и приземлился на Ордынке. Выбравшись из кабины самолёта, Руст начал раздавать автографы. Когда подросли милиционеры и потребовали документы, он заявил, что прибыл в столицу СССР с миссией доброй воли.

Нарушителя поместили в Лефортовскую тюрьму. Советский суд приговорил Руста к четырём годам исправительной колонии, но через четырнадцать месяцев его выпустили за образцовое поведение.

На родине он сел во второй раз: изнасиловал большую медсестру, угрожая ей ножом.

Отбыв наказание, торговал обувью, отдавая заработанные деньги детскому дому.

В 1997 году Руст обратился в индуизм и женился на дочери богатого бомбейского чаеоторговца.

Поскольку Руст добрался аж до Красной площади, да ещё в День пограничника, то со своих постов незамедлительно полетели министр обороны маршал Сергей Соколов и руководители ПВО страны...

В тот вечер мы с Рыжим нажрались вусмерть— как отставным пэвэошникам, за державу было до слёз обидно. Однако успокаивали себя тем, что «вот теперь-то омарзевшие старички наши проснут-ся и наконец-то порядок в бардаке этом наведут!»

Не проснулись...

Продолжение следует